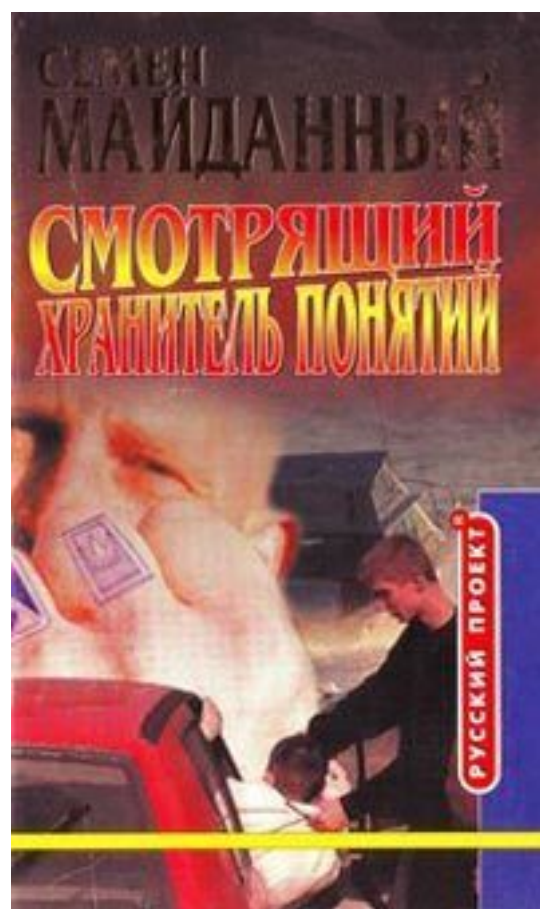

Смотрящий

Семен Майданный

Хранитель понятий

Майданный С.

Хранитель понятий / С. Майданный — — (Смотрящий)

Выйдя на волю, Сергей Шрам продолжает поиски таинственных эрмитажных списков. В его игре только две ставки: погибнуть от рук предавших воровской закон бандитов или стать признанным авторитетом на государственном уровне...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	24
Глава четвертая	28
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Семен Майданный Хранитель понятий

Рождественская сказочка для уркаганов

Генеральный консультант сериала – Таймырская организованная преступная группировка.

Все события и действующие лица в этой книге выжаты из пальца. Любое совпадение с реальными личностями и событиями, в натуре, случайно, и предъявы никого не колышут.

Глава первая ВЕСЬ НА ИЗМЕНАХ

В заповедных и дремучих
Диких Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей
И в прохожих сеет страх.

Вроде бы надежно запертая дверь распахнулась с одного рывка. И на пороге нарисовались двое. Волосики на макушках не длинней ногтя, рожи звериные, упакованные в кожу плечи вздуты качковыми холмами. В складках кожаных курток дотаивали снежинки. В лапах стили масляно бликующие волены.

Нельзя сказать, что до появления этих двоих в комнатухе царил уют. Наоборот. По врубленному на полную мощность «ящику» бесновались квакающие рэп и тычущие в зрителя чумазыми пальцами негры. Посаженная в клетку малинового абажура лампочка давала нездоровый приторный свет и перекрашивала в папуасок расклеенных по стенам шлюшек из похабных журналов. На шершавом от грязи полу рядом с топчаном сдувшимися воздушными шариками корчились вперемешку мужские брюки и женское барахло – от юбки до панталон.

А на топчане застыли в страхе бессовестно нагая девица с волосами, переокисленными до цвета манной каши, и парниша лет тридцати пяти – сорока. Торс в расстегнутой до пупа джинсовой рубашке, а дальше – гол как сокол. Застигнутые граждане полюбовники еще пребывали в прелюдии.

Пока двое качков, не отводя стволов, с порога обозревали открывшуюся любопытную картинку, откровенно вздыбленное мужское естество парниши опало до таких размеров, что его стало можно спрятать под фиговым листком. И тогда двое наконец вошли в комнатуху, и правый благоразумно притворил за собой дверь.

Визитеры не стали объяснять, кто они, зачем и почему здесь. Один остался держать обломанную по сексу парочку под прицелом, а второй, засунув пистолет куда-то себе под ремешок за спину, приблизился и вцепился в безвольно повисшую на плече дамочки руку кавалера. Кавалер не рискнул даже пикнуть.

Гость приподнял пойманную руку повыше, освобождая дамочку. И не больно, но брезгливо толкнул девку в грудь. Дескать, смирно лежи, тогда не покалечим. Девица упала на спину

и закрыла глаза. Рот ее беззвучно зашевелился, наверное, молитву вспоминала. А по телеку продолжали резвиться губошлепы нигтеры, выплевывая в зрителей недожеванную рэповщину.

Гость молча задрал у парниши рукав выше локтя и уставился тупыми пороссячьими глазками на обнажившееся предплечье, где не было ничего, кроме двух прыщей и следа от противооспенной прививки. Очевидно, этот гость доверял своим глазам не до конца, поэтому вывернул удерживаемую чужую руку так, чтобы она стала видна во всей красе и напарнику. Теперь какое-то время, наверное секунд с пятнадцать, предплечье разглядывали оба с видом больших специалистов по анатомии. Типа как доктора на консилиуме, или как коллекционеры редкую монету, или как гурманы – меню в кабаке, где знаменитый шеф-повар.

Но вот загадочная процедура себя исчерпала. Подошедший ухватил копну осветленных патл и вернул девуцу в прежнее сидячее положение. Затем торжественно возложил безвольную пленную руку на подставленное рыхлое женское плечико, восстанавливая идиллию, царившую до начала визита.

Проведя эту операцию, гость стал медленно пятиться, причем в освободившейся руке снова появился ствол, чтоб и его не дай Бог не заподозрили в мягкости характера. Судя по рожам визитеров, апельсин, который они здесь только что надкусили, оказался горьким грейпфрутом. Что-то другое, не прыщи и след прививки, они надеялись разглядеть на теле отвлекшегося от любовных утех подтоптанного парниши. Может, древний знак ацтеков-инков, а может, какую-нибудь из мадонн кисти Леонардо да Винчи. Ясен пуп, копию. Но на нет – и прокурор выходной.

Девушка сидела ни жива ни мертва, зажмурил глаза и продолжая шепелявить молитву. Негры знай себе прыгали молодыми козлами по экрану. А двое незваных визитеров медленно, задом, переступили порог и вежливо притворили дверь, никого не убив и не ограбив.

В коридоре их поджидала хозяйка увеселительного заведения. Губы похужей на тумбочку мадам были вытянуты в тонкую, прочерченную алой тушью линию – происходящее не доставляло мадам удовольствия, но рыпаться – себе дороже, Мадам, не разжимая пасть, указала на дверь наискосок от только что притворенной. И две звериные рожи намылились туда. Мадам семенящей походкой обогнала искателей приключений, первой подгрела к указанной двери и, выудив из связки нужный ключик, открыла нехитрый отечественный замок. При этом, надо отдать должное, ни один ключ в связке не брякнул. Отодвинув хозяйку борделя в сторону и настропалив волыны, двое рывком ввалились в комнатушку.

Лишняя предосторожность. Здесь тоже пылало малиновым светом бра, так же по стенам изгибались биксы из порножурналов. Тоже шумел телевизор, разве что не афроамериканцы мельтешили, а гундосил родной ведущий криминальных новостей:

«На вопрос нашего корреспондента, где сейчас находится его подельник, преступник ответил, что тот рыб кормит, – жаловался ведущий. – Сотрудникам милиции удалось выяснить, что это не шутка. Выяснилось, что соучастник преступления работает разнорабочим в павильоне аквариумных рыбок Ленинградского зоопарка...»

А вот обитателей берлоги наблюдалась всего одна штука. И глубоко до фени было обитателю, появились в этом гадюшнике посторонние или нет. Закатав рукав рубашки, похожий на глиста давно небритый тип целил себе в вену шприцем и злобно матерился. Рука с баяном даже не дрожала, а ходила ходуном, будто весло в академической гребле. И подлая вена никак не попадала в прицел.

Один из визитеров опять спрятал ствол, вразвалочку подшкандыбал к наркоше и заголил рукав повыше. На этом предплечье татуировка все же обнаружилась. Контур крейсера, военноморской флаг, ДМБ... и так далее. Но не такую веселую картинку искали гости, и опять печать радости не осветила их насупленные рожи.

К тому, что его шупает кто-то посторонний, нарк отнесся совершенно по нулям. Бывают глюки гораздо чумнее. Когда визитер отчаливал, под ногой хрустнул еще один шприц. Оказывается, тут их по полу каталось штук пять.

«Граната, брошенная в инкассаторскую машину, оказалась учебной», – продолжал жаловаться телеведущий.

«Еще несколько таких облав, и я на старости лет отправлюсь сшибать пустые бутылки, – прикинула похожая на тумбочку мадам. – Все равно толку будет больше!» Тяжело, но беззвучно вздохнув, так, что только дебелия грудь поднялась и опала, хозяйка повела гостей к третьей комнатке. Повторилась церемония с бесшумным отпиранием замка и нацеливанием стволов. Распахнулась от сочного уверенного толчка жалкая фанерная дверь. Сквозняк взьерошил куцые причесоны качков. И тут же в комнатенке истошно завизжала закутавшаяся в одеяло, сложившаяся дулей на топчане девица. Только нос и кулачок из-под одеяла торчат, а в кулачке зажат стольник с американским президентом.

Кроме лахудры, здесь никого не было. Зато было распахнуто окно. И на фоне переливающегося огнями ночного Питера сеялись редкие, но большие и, в натуре, очень красивые снежинки.

Двое, чуть ли не отпихивая друг друга, кинулись к окну и увидели где-то на уровне второго этажа ускользящую по уходящим вниз балконам тень. Один так и остался дежурить у окна, только цыкнул на девку, чтоб заткнулась. А второй ринулся назад, едва не снес замешкавшуюся на дороге тумбочку-мадам, пронесся паровозом по облезлому коридору и выскочил на лестничную площадку. И застучал каблуками сапог-«казаков» по ступеням, как стучали в двери энкавэдэшники в фильмах про тридцать седьмой год.

Подпольная публохата обреталась в обыкновенном жилом доме – хозяйка расселила неподъемную коммуналку-гребенку. Лестница была под стать. С жирными перилами, с истерканными косорылым матом стенами и зассанными ступенями. На вылете из подъезда преследователь вдумчиво сунул ствол в карман куртофана, чтоб зазря не светиться.

Выкатился наружу. Кинул шустряки по сторонам и резкий взгляд вверх, на распахнутое окно третьего этажа, за подсказкой. Тот, что остался, замахал мацалкой, дескать, жми за угол, за угол жми, лови за углом. И исчез – двинул на подмогу.

Первый метнулся за угол и тут же застыл как вкопанный. Потому что преследуемый гаврик уже никуда не спешил. Преследуемый – мужичонка среднего роста и лет около тридцати пяти – сорока – мерз на месте, задрал лапки вверх. Ясен перец, преследуемый, соскакивая с топчана, так торопился, что забыл пальто. А метрах в пяти перед преследуемым притопывал ножками, но бодро целился из пистолетика тип, как родной брат похожий на подоспевшего: рожа звериная, упакованные в кожу плечи бугрятся качковыми холмами, и даже на ходулях – вечные «казаки».

Тогда подоспевший, оставив волюну в кармане и не дожидаясь третьего братана, сделал три глубоких вдоха-выдоха и почапал к бегуну на короткие дистанции. Обошел, давя припошившие землю хрусткие снежинки, по кругу. Вышелкнул лезвие выкиду-хи и от манжета до плеча распорол у жертвы нужный рукав пиджачка вместе с рубанжой. Наколочка на искомом месте присутствовала, хорошо различимая в лимонном свете уличных фонарей. Саламандра, впившаяся ножовочными зубками в личный чешуйчатый хвост. Только за совсем другой наколочкой охотились трое братков. Совсем другая картинка могла вернуть печать радости на эти угрюмые разъевшиеся рожи.

Бегун за потраченное усердие тут же получил под ложечку и по зубам. И благополучно слег в не успевшую замерзнуть лужу.

А двое со звериными рожами уже про него забыли. Дождались отсапывающегося третьего, забрались в натоленную «бээмвуху» и умчались дальше шерстить скользкие точки по городу. Искать до победного конца. Сегодня была их ночь.

* * *

Эти двое были обмундированы не в кожу, а в длиннополый кашемир. На слившихся с затылками шеях под расстегнутыми нараспашку шикарными пальто телепались пестрые шелковые шарфики. В остальном эти двое мало чем отличались от прочих, рышущих по городу этой ночью охотников за вознаграждением. Такие же кактусовые стрижки, пудовые кувалдометры, такой же замораживающий взгляд из-под низких лбов. Шут их знает, почему эти двое не сбросили кашемир в гардеробе еще на первом этаже. Они выгребли из лифта и остановились перед охранником, вооруженным металлоискателем и какой-то несолидной газовой пукалкой в застегнутой кобуре.

– Здесь фотомодели пляшут? – угрюмо пробасил левый.

– Здесь. Ваши пригласительные билеты? – слегонца поднапрягся секьюрити. При появлении этих двоих узел галстука еще сильнее врезался ему в кадык.

Правый недобро ухмыльнулся и протянул охраннику мобилу и визитную карточку:

– Хочешь, побазарь с воеводой.

Секьюрити облизал визитку шустрыми глазками и посторонился. Типа, зачем важных людей по такому пустяку беспокоить? Обмахивать еле втискивающихся в дверь гоблинов миноискателем он тоже не стал. На входе в отель их уже должны были проверить. А что, ему больше всех надо?

Мордovorоты солидно, не спеша и даже с детским любопытством озираясь, протопали сквозь вытянутый, заставленный барной стойкой, столиками, пуфиками и фикусами зал. За стойкой дремал черно-белый бармен, на столиках сохли обьедки и из фужеров испарялось недопитое манерное пойло. У окна косяк журналистов обгладывал личную жизнь расфуфыренного бархатом пузатенького модельера-гомика. И, в общем, ежу было понятно, что светская жизнь отсюда уже свалила в соседний зал, где на подиуме и творился показ мод.

На входе в соседний зал пара распалась. Правый, вдоль спин усаженных на концертные стулья зрителей; прошагал в угол, где и подпер стену. Левый, с видом имеющего на это право авторитетного гражданина, взошел на подиум и задвинулся за левую кулису. Он только на секунду угодил в край овальной серебристой лужи софитного света, зрители шушукались в темноте. Его рожу никто не рассмотрел, на него почти не обратили внимания, потому как зрители обсуждали шмотки на вихляво разгуливающих по подиуму стройненьких мальчишечках.

Узкие в бедрах и расклешенные от колена оранжевые брючки, двубортный очень узкий в плечах темно-синий костюмчик в тонкую белую полоску, джинсики серого денима. И тьфу, какая погань, шорты-трусики! Лиловая приталенная футболочка с пляшущими по пузу чело-вечками, белоснежная, расстегнутая до мотни сорочка с широкими манжетами и воротником, а под ней такая срань, что мать его – вытатуированные листочки, цветочки и ягодки. И это на торсе здорового двадцатилетнего, типа Алена Делона!

Засевшему за кулису битюгу не подфартило и с тылу. Там его презрительно обфыркали переодевающиеся в душной тесноте полуголые девицы. Каждой он по росту в пупок дышал, каждую задушил бы со вкусом собственными мослами, не будь у него делов поважнее.

– Какой невежливый мужчинка, – в никуда аукнула одна блондинка, без смущения освобождая от приплясывающих сисек люминесцирующий бюстгальтер.

– Надо позвать охрану, – вяло поддакнула вторая блондинка, так и сяк прилаживая парик.

– Мои галифе никто не видел? – втискивалась в теснейшую майку третья блондинка.

– Спроси у этого дядьки, может, он – фетишист? – разделалась с париком вторая и принялась попадать длинной, будто ствол снайперской винтовки, ножкой во что-то ажурное и прозрачное.

От манекенщиц одуряюще перло кислыми духами. Где-то рядом колонка сюрчала в зал такой же кислой музычкой. Битюг прел в кашемировом пальто и, казалось, совершенно не слышал покалывающих его спину девичьих оскорбушек. И он не спешил вытаскивать из кармана черно-белую листовку «Голосуйте за...» с портретом, он уже вызубрил застигнутую там личность назубок.

Приторная музычка захлебнулась.

– А сейчас, – загудел микрофон, – свою коллекцию женских клубных нарядов представит молодой модельер Олег Соломенко!

Модельные мальчишечки гуськом, расшаркиваясь, убрались за противоположную кулису подиума.

– Ну же, сервант, отвали с прохода, – несмело постучала костяшками пальцев в кашемировую спину та, что при парике.

Но «сервант» не отвалил. А тот битюг, что подпирал стену, – ляпнул пятерней по выключателю, будто муху бьет, и под потолком вспыхнули помпезные люстры фраерского хрусталя. В зале оторопело затрясли губами и серьгами. В зале сонно промаргивались богемные бобры и суслики. Высунув мурло из-за кулисы, щурясь на режущий свет, «сервант» спешно стал отщелкивать глазами одно потеющее в зале лицо за другим. А потеющие в зале персоны продолжали недоуменно вертеть головами. Типа, непонятка.

Так продолжалось секунд десять. Уже из-за центрального столика организаторов шоу какой-то прыткий молодой человек заспешил к врубившему верхний свет гоблину с лозунгом «Что вы себе позволяете?». Но держащий лапу на пульсе выключателя детина не дал юноше всласть повозмущаться и нарваться на кулак. Уловив микронный кивок от напарника со сцены, детина вырубил свет и без суеты и спешки отчалил обратной дорогой.

Ропот со стульев его не касался. С напарником он пересекался в предыдущем зале, где бармен по-прежнему дремал по стойке «смирно», но две официантки уже сгребали объедки на подносы.

– Куда теперь? – рассеяно теребя в кармане черно-белую предвыборную листовку, спросил тот, который имел удовольствие пообщаться с фотомоделями.

– В «Талеон», – сверился со списком поделщик и на ходу стал огрызком карандаша вычеркивать из шпаргалки гостиницу «Европейская».

– Ты че? Здесь же по этажам кабаков еще не меньше трех непрочесанных!

И эти двое, в кашемире, и те трое, которые шерстили скромный публичный дом, по понятиям были так себе – загонщики, шелупонь, осадки на грядке. Поставившие на везуху охотники за вознаграждением. Каким-нибудь боком прослышав, что за голову еще вчера очень важного человека нынче сулят крутые бабки, несколько таких командочек ринулось полосовать ночь. Они опирались на зыбкие слухи и смутные приметы, и результата от этих Тимуров всерьез никто не ждал. Но и тормозить отморожков никто не спешил. В жизни всегда есть место халяве.

Однако серьезные люди вели охоту на зафотканного на черно-белом, сорванном с забора агитационном плакатике человека совсем другими способами – самыми серьезными способами.

* * *

Арбуз висел вверх ногами. Носом пытался достать до колен. Пыжился, но не доставал. Мешало брюхо, гуляющее складками под звездным американским флагом. Флаг украшал свитер спереди, а со спины его прикрывал Майк Тайсон.

Поскрипывали перекладыны шведской стенки, раскачиваемые абордажно хваткими крюками. Крюки держали турник, а на трубе турника Арбузовы колени. Арбуз сочился потом, но уперто продолжал качать пресс.

Из кармана широких штанов выскользнула монета и спикировала на гимнастический мат. Вслед за монетой на мат соскочил пылающий рожей Арбуз.

– Не вломак тебе? – Чек прицелился и, натужно крикнув, отправил мяч в кольцо. Постучать бы перед броском мячом об пол, поймать бы после бодрого отскока от щита, да только кожаная сфера была набита песком и не предназначена для баскетбольных утех.

– А че еще? – Арбуз отыскал дезертировавший рубль и вернул карману.

Содрогнув щит, песочный мяч чуть не снес лишенное сетки кольцо и гигантским пережревшим фруктом шлепнулся на деревянный пол.

– Сообразим в минус пять по стошке баксовых?

– Да ну его! Давай я в лабаз за картами сгоняю!

– Сгоняешь ты, как же. – И Чек глазами показал на гору из гимнастических матов в центре зала.

К матам была прислонена половинка стола для пинг-понга. От зеленой с остатками белой разметки плоскости отскакивал целлулоидный шарик. Отскакивал, чтоб получить подзатыльник от ракетки типа «сухарь». Гайдука ничуть не утомляла стукотня, он с самого утра лупасил по шарiku, развлекался настольно-теннисным онанизмом, прерываясь лишь на Шрамов.

Убедившись, что Гайдук его спиной увидеть не может, Арбуз направил на молдаванина указательный палец, а потом постучал ладонью по неплотно сжатому кулаку другой лапы. Сегодня этот баран, типа, на коне. Пригодился папам, ну и рад повыеживаться. А завтра в деле поставят точку, баран опустится со своего чердака на общий этаж, и мы ему припомним все понты. Гайдук понтовался дешево, строил из себя ротного старшину: дурь не курить, не пить даже пива, никуда не отлучаться.

Арбуз обреченно вздохнул, дескать, надо перетерпеть этот день или дни, и пошел шарить по кладовкам бывшей ДЮСШ «Орленок». Хотя что-то еще нашарить, хоть чем-то новеньким развлечься.

За окном спортзала простаивал стадион. Снежные навалы на поле и вокруг не расчищались ни бульдозерами, ни лопатами. Каток на зиму не заливали, лыжники круги не наматывали. Вкупе с разлагающимися трибунами, сгнившими плакатами, вроде «Дорогу олимпийскому резерву!» и революционной разрухой помещений, детско-юношеская спортшкола имела постыдный вид. Удачным приложением к пейзажу служила захолустная тишина. А кому ее здесь нарушать, на окраине Старой Деревни, на краю города?

По причине тишины тарахтение мотора можно было услышать задолго до появления автомобилей у бывшей кузницы спортивных талантов.

Гайдук поймал шарик, сунул в карман, ракетку бросил на маты.

– Арбуз! – Чек свистнул в два пальца.

Арбуз вышел из бывшей раздевалки, вертя, как нунчаками, сложенной пополам скакалкой.

– Душить ею хорошо. – Арбуз по-пастушьи щелкнул скакалкой по полу.

– Возьми баб наказывать, – посоветовал Чек.

– Гляди, как бы самому не пригодилось, – мрачно предупредил Гайдук. – На петлю.

Мимо окон по направлению к крыльцу проехал джип.

Гайдук встал около двери, поставил ботинок на перекладину шведской лестницы. Узкий, жилистый, сумрачный и по-злему собранный, молдаванин смотрелся опасно. Арбуз, расставшись со скакалкой, вытащил из кожаного пальто, перекинутого через коня, волюну, засунул за пояс под свитер.

В предбаннике затопали, забубнили. Дверь распахнулась. В облаках морозного пара, оставляя за собой грязные следы, в спортзал ввалилась компания из трех человек. Недружная компания – двое грубо толкали перед собой третьего.

– Любуйтесь. Он? – пихнул доставленного в спину один из конвоиров.

Гайдуку хватило полвзгляда.

– Нет. И близко не лежало.

– Ты посмотри на татуировку! – загорячился конвоир и принялся сдирать с мелкого, покорного, с физией денатуратного бухарика, офонарело вращающего вылупленными глазами мужика затрапезный зеленый пуховик.

– Чего смотреть. – Гайдук перевел взгляд на второго конвоира. – Жратву привезли?

– В машине, – ответил молдаванину второй из команды поисковиков. – Сейчас схожу.

– Нет, ты посмотри! – настаивал первый, выдергивая из рукава грязной рубахи худую бледную руку мужика.

Мужик вел себя, как доброволец на донорском пункте, только тихонечко подрагивал и поскуливал. Показалась долгожданная наколка. Молния, пронзающая тюремную решетку. Грязная молния, пронзающая забуревшую от подвальной копоти тюремную решетку. Чужая пафосность момента, пленник даже перестал скулить.

– Где накололи-то? – спросил Чек.

– Сидел я, ребята, – дрожа, выдавил мужичок. – Там и с-делал.

Арбуз неосторожно попал под струю выдоха и отступил на два шага, морща шнобель.

– А Шрама такого не знаешь? Во, братва, еще едут! – Чек вытянул руку к окну, за которым промелькнула бело-красная «скорая». – Так, спрашиваю, Шрама знаешь?

– Не приходилось, – сделал очень искренние глаза синяк.

Гайдук тем временем принял из рук второго ловца Шрамов две двухлитровые бомбы «кока-колы» и бумажные «макдоналдсов-ские» пакеты.

– Опять ты, Панцирь, мусора навез, – осклабился Арбуз.

– Ты фильтруй базар, Арбузище! – взвился первый конвоир по кличке Панцирь. – Рост средний? Средний. Наколка на месте? На месте.

– Какой же средний! Гляделку разуй! Карлик форменный. Вот у Чека средний. А морда? Какой это, на хер, авторитет?

– Сам ты авторитет! Говорили, не попадаться на видуху, что Шрам может закраситься под любого.

– Так не закрасишься. Тут пить надо конкретно и старательно.

Мужик, вокруг которого мотался базар, глупо моргал и беспрерывно облизывал обветренные губы. Нырять голый рукой в рукав без приглашения боялся.

– Слушай, ты! – Панцирь, доведенный выпавшей идиотской работой и подколками Арбуза, распалился не на шутку. – Охренел в корягу от безделья, да?! Иди на своем козле покрутись, газы выпусти!

Панцирь показал на гимнастический снаряд, украшенный, как попоной, кожаным пальто Арбуза.

– А за козла ответишь, – глухо процедил Арбуз. – Это конь, Панцирь...

Набухающую ссору прекратило прибытие новой поисковой группы. В приоткрытую дверь из предбанника залетело:

– Я – Шрам и всех вас на балде вертел! Мои пацаны отпидорасят вас, как свиней! Шакалы гнойные, вы поймете, что такое Шрам!

– Кажись, окончились наши мучения, – не в силах удерживать расплывающуюся по роже счастливую улыбку, пробасил Чек.

Из коридора доносились звуки возни. Что-то рушилось, что-то с грохотом катилось. Доставленный Шрам упирался изо всех сил, хватался за все выступы и предметы. И не прекращал орать:

– Шрама не возьмешь! Шрам вам всем яйца пооткручивает!

Гайдук, составив бутылки и пакеты на пол, вновь принял охотничью стойку у двери. Смуглая харя еще больше заострилась. Рука огладила карман, который, следовало полагать, кроме шарика заполняло и кое-что посерьезней.

Чек и Арбуз знали, что Гайдук не просто хорошо знал в лицо виршевского пахана и не мог ни с кем спутать – поэтому молдаванина назначили на опознание, – но и какие-то суровые личные счета были у него со Шрамом. Но спрашивать молдаванина напрямую не торопились.

Наконец Шрама доволокли до двери и пропихнули в спортзал, где он тут же попал в клещи Арбуза, Чека и двух давешних конвоиров. Сзади подсобили двое новых гоблинов. На помощь, выслуживая лучшую долю, пришел и невинно задержанный мужик. Шрама, не шибко рослого, широченного в плечах и пьяного в дым, завалили на пол. Пригодилась скакалка, ею Арбуз принялся обматывать запястья виршевского главаря. Шрам (он почему-то был в спортивных трусах, куртке типа кимоно и в пляжных шлепанцах) крыл матом, ерзал, будто кастрируемый баран, лягался и, изловчившись, укусил одного из вязальщиков за палец. Невезучий конвоир из второй партии, вопя, заскакал по залу.

– Вот так, сука, знай Шрама! Вернись назад, я тебе хер откушу!

Никто не следил за тем, чем занят Гайдук. А тот, подобрав набитый песком мяч, подошел к скучившимся на пятачке возле двери людям и, подняв над головой, опустил кожаную сферу на бритую макушку Шрама. Виршевец враз потух.

– Убить можешь! – вскочил с пола Арбуз. – Нас же всех потом!..

– Не Шрам это, – успокоил его Гайдук. – Хотя даже харей смахивает.

– Как не Шрам? – спросил кто-то из доставлял.

– Да так. – Гайдук выглядел разочарованным не менее остальных. – Не Шрам, да и все. Где вы его отрыли?

– В банях на Красных Текстильщиков. Гудел там с барыгами какими-то и прошмандовками. Ну, он сразу, как услышал, кого мы ищем, так распонтовался, дескать, «Я – Шрам, и чего дальше?!».

– Наколку, конечно, не зырили?

– Да не до нее! Забыли, Гайдук. Думали, раз сам растопыривается, точно он. Да как тут вспомнишь, слушай! Хорошо, шмара какая-то по балде его фуфырем из-под шипучки огрела, а то шмалеть бы пришлось. Ну, в потолок сперва и по ногам потом. Иди угомони такого лося. Видать, и шмару он достал до трясушки.

– Ну, с нашим понятно, – вмешался в разговор доставляла из первой поисковой партии. – Да не трясись, мужик. Не тронем. У метро высадим. («Если начнем трогать, – подумалось в этот момент Чеку, – то впору будет открывать спецкладбище под ложных Шрамов».) А куда этого полудурка?

Успокоенный синяк наконец стал пихать руку в рукав.

– Вышвырните по дороге, не снимая скакалки, – порекомендовал Гайдук. – Если не лень – везите до вытрезвилки или прямо в дурдом.

– Может, сперва допросить? – предложил Арбуз.

– Допроси, если не влом, – легко согласился молдаванин. – Про баню, барыг и девок. Потом сам повезешь. Лично я жрать сажусь. – Гайдук вытащил из кармана пинг-понговский шарик из белого целлулоида и стукнул им об пол. – Кажется, нам еще долго придется тут торчать. – В речуге его уже не колосилась надежда. А ведь не просто так, ради сирой пятыхатки баксовой, подрядился молдаванин сличать рожи. Вот он – палец, Шрамом в камере сломанный. Давно заживший ноет на непогоду. Вот она – обида жгучая в душе зудит.

И сшиблись-то они летом в изоляторе «Углы» по-пустому, Гайдук не признал авторитета. Но от этого обида хилее не становится.

Глава вторая

ФАКУЛЬТЕТ КРАПЛЕННЫХ КОЗЫРЕЙ

Посмотрите, вот он без страховки идет.
Чуть левее наклон – упадет, пропадет.
Чуть правее наклон – и его не спасти.
Но замрите, ему остается пройти
Четыре четверти пути.

В курьеры сюда почему-то брали не шибко представительных стариканов. Мужичков лет от тридцати до пятидесяти. Болтать с курьерами на отвлеченные темы, да и вообще болтать с сотрудниками других подразделений очень и очень не рекомендовалось. Угодишь Понтону под горячую руку, и вышибет за дверь. А этот новенький вроде и не обучен.

– Красавица, какие свежие новости?

Подкатывал бы стильный мальчик, Зинка еще, может быть, хотя бы улыбнулась исподтишка. А этому серячку даже взгляд пожадничала. Только тренькнул телефон, Зинка, опережая подружек,хватила трубку:

– Информагентство «Горячий факт». «Пятая» слушает. – И привычно застрекотала пальчиками по клавиатуре, вбивая льющуюся из трубки новость в онлайнную ленту событий. – На пресс-конференции, посвященной закладке фрегата для ВМФ Китая, гендиректор Адмиралтейской верфи заявил, что в ближайшие три месяца планируется начать строительство аналогичного фрегата для ВМФ Индии, – добросовестно повторила вслух Зина то, что услышала и набрала на дисплее. – Кто? Александр Заводов? Запротоколировано, Александр Заводов. – И кинула робкого косячка: отвалил или не отвалил от ее рабочего места занюханный кавалер.

А справа и слева от Зинаиды еще пять девчонок то и дело сдергивали телефонные трубки и принимали немудреные новости по многоканальному номеру:

– ...После произошедшего недавно крупного пожара вновь приступил к работе Себежский ЦБК...

– ...Одно из старейших предприятий Санкт-Петербурга – завод им. Козицкого – возобновило производство телевизоров...

– Из Дибунов новости есть? – спросил за спиной кто-то кого-то.

– ...Петербургская компания «Автостиль», специализирующаяся на мелкосерийном производстве инкассаторских автомобилей, представила широкой публике свою новую разработку – бронированный внедорожник VIP-класса «Комбат»...

Курьер отвалил. Он теперь переминался чуть в сторонке, ожидая, когда высунувшийся из личного кабинета Понтон чем-нибудь озадачит. Точнее, когда Понтон устанет втаптывать в грязь нерадивого журналиста Алика Худикова:

– Я тебя, в натуре, как учил? – употребляя распальцовку, шел красными пятнами по роже Понтон. – Мне приторные карамельки от пресс-секретарей на фиг не нужны. Это не интервьюха, а липкий сиропчик! Ты с их коммерческим замом общался?!

– Говорили, – почти захныкал Худиков.

– ...Концерн «Колибри» готовится открыть в Петербурге завод по переработке овощей. Основной продукцией предприятия станут консервированные мясо-овощные смеси для детского питания...

– А какой процент на рынке серой растаможки – спрашивал? А кого из конкурентов они больше всего дрейфят? А сколько составляет месячный рекламный бюджет?! – Понтон ярился

не на шутку даже не из-за бестолкового текста. Фортуна повернулась раком, папа объявил боевую готовность, и директор «Горячего факта» уже вторые сутки колбасился без сна. Сейчас бы в масть бодрых колес с прицепом или косяк, на худой конец, но Понтон дач папе клятвенное слово, что отныне наркоту ни-ни. Иначе бы папа ни за что не воткнул бы Понтоня руководить этой конторой.

– Да я все это спрашивал. Ответ один – коммерческая тайна, – на глазах усыхал в размерах автор.

– Ну ладно. Эту туфту можешь засунуть себе в грызло! – некультурно выразился Понтон и оборвал вздрючку, заметив, что новичок ошивается без дела.

Счастливым, что так легко отделался, Худиков рассеялся в воздухе. Курьер тут же подступил к директору агентства на почтительную дистанцию:

– Антон Павлович, мне теперь куда?

– Ты... – Снизивший обороты Понтон явно пошевелил извилинами, вроде бы вспоминая имя новичка. – Толик, дуй-ка в компьютерный. Получи свежую сводку по столице.

По мнению Зинки, Антон Павлович был еще вполне. Возраст до тридцатника. Очки дорожные на носу. Правда, свеженаеденное брюхо поясной ремень еле держит. Зато всегда прикинут, и денег куры не клюют. Жаль, подолгу торчит в компьютерном центре, наверное, какая-то мымра уже запустила коготки. Эх, закружила бы Зинаида Понтоня по ночным танц-полам, споткнись он хоть на секундочку об ее косметику взглядом.

Но Антон Павлович, в задумчивости прилипнув очками к спине курьера, так и остался стоять столбом. Пока курьер не свалил из зала.

Вообще-то мало кто в фирме знал, что курьеры здесь зашибали до штуки долларов в месяц. За то, что их тщательно обнюхивала родственная структура – охранный фирма «Эфес», и за особую осведомленность в делах непростого агентства «Горячий факт». Например, входить в компьютерный центр здесь позволялось только Понтону, курьерам и самим труженикам центра. А под «сводкой по столице» подразумевалась информация, ежедневно черпаемая с хакерской борзостью с закрытых сетей весьма обидчивых организаций типа ГУВД, налоговых инспекции и полиции и так далее.

Покинув общий зал, курьер Толик не сразу бросился выполнять приказ. В безлюдной курилке он помыкался у зеркала, добываясь от отражения окончательной серости, и это давалось со скрипом. Потому что собственным глазам очень трудно приказать похоронить притаившийся на дне стальной отблеск. Но иначе нельзя. Иначе сладится новичок за пару деньков, рядовые сотрудники и вычислят.

Зинка вышла тяпнуть порцайку никотина и испугалась, что новенький снова станет клеститься. Но – ничего подобного. Курьер уже шел мимо коридорных окон, за которыми нахлестывал то ли дождь, то ли снег. Подгреб к железной двери без номера и расплющил кнопку звонка. На него бдительно обратили внимание в телекамеру и открыли.

В тесном зальчике было очень жарко из-за пыхтящих компьютеров. Здесь гробили здоровые три сотрудника. Двое – Мишаня и Александр Иванович – честно грузили по заказчикам и паутине открытую сводку информагентства и старательно никуда не совали нос. Третий – Женя – сидел, отгороженный стеной техники, чтоб ни-ни, и задача его была – собирать и сортировать приходящую от разбросанных по городу или даже по миру взломщиков более конфиденциальную информацию. Торговлей которой и жил «Горячий факт».

– Евгений Ароныч, я к вам за «столичной», форма «Ижица», – доложил курьер.

Ответом было молчание, но через пять секунд из принтака полезли заполненные тайнами страницы. С первой по десятую. Курьер, пряча жадный интерес, сгреб их и покинул нелюбезные стены.

Однако он не поспешил с бумагами к официальному начальству, а завернул направо в курьерскую. Типа, комнату ожидания. О курьерах в агентстве заботились, как Максим Горький

о Беломорканале, и курьерская – тому подтверждение. Несколько пухлых кресел, в которых даже прикемарить вольготно. Недешевый телек – «сонька-тринитрон», опять же «пентиумы», если есть желание.

Толян плюхнулся в кресло и стал, пока никого нет, воровато листать сводку. Требовалась она не Антону Павловичу, а персонально неприметному курьеру Толяну. Причем именно литературная форма «Ижица», что значит – «Пикирующие фирмы».

Вообще-то свой тоннарь зелеными курьеры в «Горячем факте» рубили не за красивые глазки. Под курьерскими погонями фирма маскировала аналитиков, которых неделю назад было трое, а теперь, в связи с особой обстановкой, стало четверо. А под понятием «пикирующие фирмы» на местной фене подразумевались конторы, попавшие со знаком минус в разработку госструктур: налоговиков, ментов, антимонопольщиков и так далее.

Толик не стал заморачиваться, что там происходит с фирмами на букву «А» (хотя в другой бы раз...), а сразу добрался до «В». И вот уже первая детская неожиданность:

«ВЕНКОМ-КАПИТАЛ. ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ФОНД. В Регистрационную палату СПб от консалтинговой фирмы ООО „Зелько» поступили документы на регистрацию фирменного знака „Венком-капитал» по тридцати четырем пунктам... Сообщил Игорь Мамедов».

Пакостный прикол заключается в том, что «Венком-капитал» принадлежал Сергею Шрамову больше года. Вот только фирменный знак фонда своевременно поленились зарегистрировать. И если кто-то теперь это делает, значит, пытается увести раскрученную торговую марку вместе с клиентурой.

Невольно пробежав постороннее: «ВИОЛА. Антимонопольный комитет СПб запросил у компании, представляющей на петербургском рынке продукцию „Виола», документы, подтверждающие, что „Маслице «Виола»" по своему составу входит в продуктовую группу пищевых масел, а не является суррогатом...», палец курьера пополз далее вниз по странице.

И вот еще одна горькая неприятность: «ВИРШЕВСКИЙ НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИЙ КОМБИНАТ. ЗАО. Компания „Густав» подала иск в Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области с просьбой признать недействительными результаты решения учредительного собрания акционеров от такого-то такого-то о переуступке учредительных долей... Источник Игорь Васипов».

А это вообще полное пиковое западно. Кто-то норовит отныкать принадлежащий Сергею Шрамову нефтекомбинат. Круто лютые враги взялись за Сергея Шрамова.

В обоих занозных случаях – про фонд и нефть – в подписях фигурировало имя «Игорь». Фамилия высасывалась из пальца и роли не играла, имя же «Игорь» значило, что информация напрямую вычерпнута из рабочих файлов соответствующих структур. Про фонд – из компьютерной сети Регистрационной палаты. Про нефть – из Арбитражного суда. Такая вот, блин, жуткая конспирация. А все это значило, что вотчину, куда входили и «Венком», и «Виршевский» и еще немало фирм, заштормило девятым валом. На вотчину начато наступление по всем фронтам.

По уютному кабинету поплыл зудящий звук, вроде комариного писка. Это охранник на дверях первого этажа успел подать сигнал тревоги. Курьеру Толику этот сигнал был по барабану. Но очень конкретно касался Сергея Шрамова, на собственной поляне закосившего под неприметную шестерку Толика.

И хотя у Сереги оставалось времени очень в обрез, он еще дорыл сводку до буквы «Г». Увы, информагентство «Горячий факт» в ближайших обидных планах силовых структур не мытарилось. То есть или наезд происходил непланово¹, или не силовики, а урки сейчас, подвинув секьюрити, штурмовали входную броню. Крепко лютые враги взялись за Сергея Шрамова.

¹ У каждой контролирующей организации есть плановые рейды и неплановые. Плановые зачастую проводятся в рамках каких-либо операций. Например «Акциз», «Невод», «Металл». Неплановые – по наводкам «из оперативных источников».

Врубив тут же услужливо очнувшийся, похожий на батарею центрального отопления, «крокодил»², Шрам стопкой закормил в механическую пасть крамольные бумаги и ринулся долой. Как бумаги превращаются в лапшу, любоваться уже не было времени.

По не менее древним, чем Ветхий Завет, закидонам конспирации главное в любом лежбище – сколько оно имеет выходов. Взяв в руки ноги, Шрам понесся туда, где именно на такой аварийный случай была замайстрячена шухерная дыра.

От курьерской комнаты и далее, все остальное правое крыло застыло под гнетом начатого и спецом не завершеного ремонта. И здесь, в конце неосвещенного коридора серела дверь лифтовой шахты. Лифт не работал целый миллениум, но дверь открывалась без проблем, а вниз по шахте неизвестный умелец впендюрил скобы. И еще здесь, для совсем уж особо одаренных, как бы невзначай в потолок, а точнее – в пожарный люк – упиралась железная лесенка.

По-паучьи проворно перешував горизонтально приваренные арматурины, Сергей с натугой откинул люк и, подняв облако густой серой пыли, оказался уже на чердаке. А через кривое окошко, чихая, выкатился на громыхающую крышу.

Подожвы, смакуя риск, скользили по мокрому бурому кровельному железу. Снег пополам с дождем пригоршнями хлестал по роже. Студеный ветер ввинчивался под скромненький невзрачный пиджачок, осатанело трепал галстук-дешевку.

А в это время внизу, с противоположной стороны здания, ко входу в чахлый магазин «Стекло, фарфор, фаянс» подкатил темно-зеленый фургон с красивой надписью на борту «Ленинградский фарфоровый завод». Надежно загородив дверь магазинчика, «газон» остановился. Из сухого нутра фургона в лужи прыгнули три мужичка, куртки с капюшонами на бровях, и направились напрямик за дверь. Последний притормозил на входе и нагло развернул табличку стороной «Закрыто» наружу.

Два первых клиента в этот торжественный момент заряжали скучающему продавцу в харю из баллончиков две струи паралитика. Замешкавшийся на входе обогнал своих и скрылся во внутренних помещениях, сжимая в руке уже не баллончик, а полновесный ТТ. Круто лютые враги взялись за Сергея Шрамова.

Двое громил-коллег тоже не остались в торговом зале. Подобрав отключившегося продавца за руки и йоги, они поволокли тело головой вперед вслед за своим коллегой. А из фургона в лужи уже выпрыгивала следующая пара специалистов. Эти по очереди стали вносить в магазинчик нелепые вещи: приземистый журнальный столик и оставили его строго по центру и рядом – дачное кресло-качалку. Принесли поднос с непочатым пузырем виски «Белая кобыла» и ведерком льда (один отлучился и выбрал на витрине комплект художественных стаканов). Поднос с в натуре живым дремлющим ангорским котом пришлось прикрывать зонтом, хотя коту, кажется, все было по фиг.

Оба подноса были водружены на журнальный столик, а лакеи в капюшонах на бровях, изготовив из-за пазух стволы с загодя навернутыми глушаками, заняли позиции по углам торгового зала. И настолько слились с заполненными тарелками, фужерами и статуэтками полками, что сквозь витрину стали с улицы неразличимы. И из салона припарковавшегося на противоположной стороне просторного «девятьсот шестидесятого» «вольвешника» тоже.

Комфортно раскинувший грабельки на заднем сиденье этой навороченной тачки и будто сухонький старичок медитировал. Из стопорнувшей чуть впереди «мазды» выкарабкался атлет, распыл над теменем зонт и галантно подчапал к «вольвешнику» с нескрываемым намерением спасти старичка от непогоды, когда тот соизволит прошлепать по лужам в магазинчик.

Сцена была подготовлена в лучших традициях Вензеля. Этот старый хрыч очень любил вот так шугануть нужную личность и дожидаться ее в засаде. Причем Вензель появится на сцене только тогда, когда ошалевшая личность зависнет под прицелами. А Вензель усядется

² Прибор для уничтожения документов путем разрезки их на тончайшие полоски.

в кресло-качалку, прихлебнет виски, приголубит кота и начнет из личности вить веревки. В данном конкретном случае из Шрама. Потому как проведаль Вензель, что шахта лифта контактит со складом магазина «Стекло, фарфор, фаянс», а сам магазин неприметно принадлежит одному из Шрамовых людей.

Атлет уже потянулся к дверце «вольво», уже открыл...

Но вдруг (и откуда только возник?) в противоположную дверцу ввалился Сергей Шрамов. Одновременно, в единый миг, на одном дыхании защелкнул стопор дверцы со своей стороны, захлопнул и защелкнул дверцу со стороны старичка. При этом чуть не придушив дряхленького своей массой. И хрипло посоветовал заерзавшему водиле:

– Не рыпаться! Ну?!

Шоферюга медленно и осторожно вернул челюсть в исходное. А снаружи, бросив зонт, бесновался и беспонтово дергал за ручки промокающий атлет.

– Не рыпайся. – Старикашка согласился с рекомендацией шоферу.

– Поезжай вперед. Ну?! – велел Шрам и, запустив в щель меж креслами пятерню, вернул ее вооруженной трофейной «береттой».

Тут уж и пляшущий снаружи атлет присмирел.

– Слышал, что этот мальчик говорит? Слушайся его. Пока, – нажал на последнее слово старичок.

«Вольвешник» плавно тронулся с места.

– Прикажи, чтоб «мазда» на хвосте не висла, – потребовал Шрам.

Старик вроде бы проснулся. Он даже весело хихикнул. Достал мобилу. Набрал номер и повелел:

– За мной не волочиться, ждать у магазина.

После этого Шрам вынул из желтой ладошки старичка мобилу и, выронив на пол, хрустнул ее каблуком:

– Ну здравствуй, Вензель, – наконец соблюл приличия Шрам. – Скажи-ка перво-наперво, кто меня сдал?

– Ой, Сереженька, я просто слишком умный. Взял да выследил, – типа покаялся сморчок-старичок. И тут же повел базар, будто собрался помирать и спешит выговориться: – Выходит, колобок, ты от бабушки ушел, ты от мишек косолапых, ты от зайчиков слинял и к дедушке же вернулся. – Вензель не выглядел испуганным.

Могло показаться, что каждый день в его машину заскакивают. Шрамы, отнимают у шоферов «беретты» и замуровываются изнутри. То ли дедуган не верил, что Шрам посмеет обижать старенького авторитетного вора без решения сходняка лишь по собственной злобе и загнанности, то ли клетки страха отмерли в вензелевских мощах вместе с прочими, безвозвратно захиревшими от старости клетками.

И уж конечно, старикашка попытается вывернуть терку так, чтобы он спрашивал, а Шрам отбрыкивался, еще бы лучше – горячо оправдывался, прикладывая цапки к груди и сиюминутно клятвенно божась.

– Хрен ли мне не вернуться, когда дедушка так заскучал? Аж весь зоопарк дедушка сгоняшил. – Шрам спрятал «беретту» в карман чахлого мышинного пиджачка. Пока зал, что при волюне, и довольно. Если водила рыпнется, его и руками уделать легко. А случись надобность вытащить пушку, Сергей успеет завсегда раньше.

Вензель хехекнул.

– Смешно шутишь, соколик.

Он всосал ноздрями воздух, готовясь выдохнуть его новой фразой, но Шрам не дал забрать поводья базара и потянуть на кривые тропы.

– Что за бурлѣж поднялся, не врублюсь? Предъявы какие-то, слышал, мне выкатываешь, а, Вензель? Откуда волна идет?

– погоди ты, резвун, – прокряхтел авторитет. – Нетерпеливая у нас молодежь пошла. – Он наклонился вперед, слегка переигрывая с немощью (излишне медленный проплыв чужь подрагивающей руки, подагрически скрюченные пальцы, одышечное придыхание), и втопил черный овальный прыщ под металлической окантовкой переборки, делящий салон пополам. С шуршанием туалетной бумаги вверх поползло сиренево затемненное стекло.

Почему старый козел строит из себя доходягу, которому дай щелбан и раскрошится, Сергею ясно, – Вензель не сбрасывает вариант самому прикончить Шрама. У старпера и трость наверняка с начинкой, да и кой-чего небось припасено в кармане или в рукаве. Всегда удобней бить, когда противник принимает тебя за болезного и неспособного.

«А ведь подфартит водиле, если Вензель его в живых оставит, – глядя на ползущее стекло и дожидаясь соприкосновения его верхней кромки с крепежом на потолке, прикинул Сергей. – Он видел позор хозяина, который дал себя прищучить как малолетку». А Вензель, созерцая движение стекла, думал, что придется привыкать к другому шоферу, когда только вроде бы привык к этому.

Приговоренный рулила, то и дело поправляющий козырек новенького кожаного кепи, выворачивал с пустынного переулка на оживленную трассу и старательно не смотрел в зеркало на обитателей заднего сиденья.

– Люди к тебе спрос имеют, не я. – Слова Вензеля совпали со щелчком фиксатора дошедшего до упора стекла.

– Откуда взялся этот спрос?

Базар вернулся на точку старта. Типа, совершив первый, примерочный круг по стадиону. Но лидеры не поменялись, несмотря на старание одного перехватить желтую майку у другого, впереди по-прежнему пер молодой.

– Только пургу не мети, Вензель, время впустую профугасим. Мы будем мотаться по городу, пока не перетрем до полной понятки.

– Понятки захотел? – Вензель продемонстрирован, как он умеет вливать в голос металл. – А врываться к уважаемым людям – это как, по понятиям?

– А без меня меня на разборе править – это по законам? – Шрам не собирался ослаблять хватку. – Где ж ты такие понятия видал?

– Далеко живешь, соколик, не докричишься. Ладно, – Старикан сменил каленую сталь на показное добродушие. Типа оскалились волки, предъявили, что зубки есть, и отпрыгнули на исконные места. – Вышло уж так, соколик. Не по твою душу люди собрались, да всплыло твое имечко, и понеслось. И я удержать не смог. Больно уж серьезно предъявляли.

– И кто же беса выгнал?

Сергей не сомневался, что Вензель не сам двинул сходянку тему валить Шрама, не сам почву подготовил, унавозил и окучил. Не в правилах Вензеля без нужды голову из кустов высывать. Старичок по своему обыкновению, конечно, лишь за ниточки дергал, благо их у него в кулаке скопилось, будто мотыля в тухлом пруду.

– Запоматывал я, Шрам, кто именно. Измолодых кто-то, а их я даже и не стараюсь запомнить. Потому что с думалкой не дружат, им бы только пошмалать в белый свет как в копеечку.

Типа, тонко намекнул дедуган. Сергею вообще-то можно было и не задавать вопрос про первого загонщика, да базар у них сегодня такой – важнее не сам спрос, а кто беседу ведет, кто в ней сдающий. Ну а уж главное прозвучит, никуда оно не денется.

– Откуда взялся спрос ко мне? – Сергей словно верил в мистическое значение цифры три: «а на третий раз – мы не кинем вас». Прямо влупить – не ты ли, Вензель, бодягу заварил – предъява выйдет, и, если не докажешь ее, правота к старику перейдет. К тому его старая мумия и вынуждает, но обломается. Зря, что ли, Шрам третий раз повторяет, как в стену лбом бьет, вопрос про первоисточник накатившей на него волны.

Вензель отвел взгляд от сиреневого стекла переборки – Сергею казалось, что послышался скрежет поворотных механизмов шеи, – и посмотрел на соседа с укоризной.

– Да ты сам на себя волну пустил, соколик. Жизнь неправильно выстроил.

Вот она и пошла – главная музыкальная тема. Собственно, за этим Сергей и лез к пауку в объятия. О том же пришлось бы говорить, попади Шрам в лапы охотников, шаставших по городу с его портретами. Охотнички отволокли бы его тотчас не к кому-нибудь, а к Вензелю. Старый хер восседал бы на своем переносном троне, рвались бы с поводка его пристебаи. Тогда бы разговорчик проходил под лозунгом «Жить хочешь, Шрам, выкладывай все, может быть, мы посоветуемся и не порежем тебя на куски». Теперь же у них вяжется почти дружеский базар двух волков, молодого и старого, И ничего теперь старичку не остается, как выложить на блюдо свой рецепт счастья, а потом начать торг. Так должно быть... Если Вензель не выкинет совсем уж невероятную штуку.

– Сам на себя и нагнал волну, – тем временем повторился Вензель. – Ты, Шрам, без людей жить наметился...

Вензель еще раз поменял положение головы, еще раз, оборотив взгляд в окно, колыхнул морщины на тонкой шее. А там проскакивали, обгоняя никуда не спешащую «вольво», темные и светлые борта. Поравнялась и отстала желтая автобусная коробка, набитая трудовыми муравьями; едущими добывать копейку, что рано или поздно пополнит воровской общак.

Откуда взялись предьявы, выдвинутые Шраму, Вензель мог бы расписать, подробней не бывает. Мог бы, если б, скажем, сошел с ума. Про то, как два человека потягивали, смакуя, один – виски «Белая кобыла», второй – французское вино урожая семьдесят пятого года.

Про то, как за огромными витринными стеклами перьями из распотрошенной перины парашютировал на черную и стильную осеннюю землю первый снег. Холодный, отпонтовавший свое за лето, солнечный кусок вяло погружался за высоченный зеленый забор. По двору как-то глупо носилась сторожевая овчарка. Казалось, единственная цель ее беготни – первой из дачных существ – наследить на снегу. Только овчарка и снег суеились за окнами.

Похоронное настроение кануна зимы разбивалось о стены особняка, в дом не просачивалось. По комнатам плавало то настроение, которое желали иметь у себя и обитатели, и постояльцы. Один из них, развалившись в плетеном кресле, теребил шерсть на загривке жирного сонного кота. Второй, скрестив ноги под антикварным стулом, гоношился.

– ...С бабок за нефтеперегонный комбинат, которые он увел у Абрикосов, в общак не отстегнул. Два лимона зелени, кто скажет мало? Мишу Хазарова замочил. Хазаров в авторитете ходил.

Первый кивнул из кресла-качалки.

– Выходит, сбеспредельничал, – обрадовался второй. – Сам расправу учинил, без позволения людей, минуя сход и понятия. Уже годится.

– Мало, – с авторитетностью дозиметриста заявил первый. – Могут сойтись, что защищался.

– Баба-певичка, которая у Хазарова в марухах ходила, тоже небось его работа. Вписываем?

Вензель покачал головой, мол, не будем мелочиться, к тому же кому какая-то баба будет интересна?

– Ртуть! Ртуть, конечно, к нему привесить легко, – продолжал второй, забыв про вино. – Ртуть завалил кто-то из хазаровских пацанов, но Шрам-то рядом торчат. Из-за Шрама тогда весь сыр-бор и вышел. Обкатаем как подставу, смайстриченную Шрамом на правильного парня Ртуть.

– Пожалуй, Ртуть нормально вплетается, – подумав, согласился Вензель и задрал голову, давая скатиться по языку к нёбу ячменному глотку.

– В «Малых Крестах» с легавыми скентовался. Теперь с ними на пару управляется по тамошним делам. И кто на кого горбатится, не просышь. Вернее, и понимать следует так: он с ментами партнерствует, а раз партнерствует, значит, постукивать должен. От конкурентов через легашей избавляться.

– И вот еще одно. – Старик поднял корявый указательный палец. – Пару годиков тому врывок с зоны он ушел вместе с Каленым и Лаем. Обоих завалили менты, а этот как-то спрыгнул и до Питера невредимым дошкандыбал. А уж не он ли сам подкинул ментам корешей, чтобы под шумок, пока тех догоняют и мочат, сдриснуть подальше? Или... погоди... или сам Шрам и замочил их, чтобы... чтобы... Ладно, придумается. Поприкидываем потом, что получше, потяжелее потянет. Так, так, отсюда вытягивается еще одна нить – почему его не хватают за побег. Снова высвечивается дружба с ментами.

– Достаточно набралось. – Второй, удовлетворенный беседой, снова вспомнил о вине.

– Любая фишка в казино лишней не будет. – Рука Вензеля нежно потрепала кота за ушко.

– Тогда и Трубача берем. Дескать, этим летом Шрам своего парня... как его там... Филиппа, загасил, натоптал следа на Трубача, мы и купились...

– Вот именно, получается, что мы купились на полную туфту и сами отдали Шраму незамазанного ни в чем человека. Идиотами будем выглядеть. Трубача не трогаем.

– Да, хватит и без Трубача.

– Может, и хватит, да сам по себе набор фактов недорого стоит и легко развалится при несильном нажиме, – назидательно проговорил первый. – Это продукты, из которых нужно состряпать съедобное блюдо. И еще важнее, как сготовленное блюдо подать. Нам требуется создать образ, портрет человека, такой, чтоб факты сами к нему прилипли, как мухи к липучке. В нашем случае треба сработать портрет человека, который готов за ради навара на любое западло. Увидит барыш – понятийным прикинется, срисует в другой стороне выгоду – с ментами закорешится и так далее. Но о том, как ты будешь перед людьми его портрет рисовать, поговорим после, что-то устал я сегодня от Шрама.

– А самого Шрама на сходку не пригласим? – Второй решился потревожить старика последним вопросом.

Потревоженный ответил даже охотно;

– Нет, мне не требуется, чтоб Шрама ретивые хлопцы положили жмуром под мои ревматические ноги. Мне нужно, чтобы на Шрама устроили травлю, чтобы он набегался сперва, высунув язык, нахлебался горяшка, а потом бы его ко мне привезли, связанного и измученного...

Память пролистала озвученные картинки со скоростью аппарата для счета денег. Не прошло и нескольких секунд, как Вензель вернулся от поздней осени за витринным окном дачи к зиме за автомобильными стеклышками. Вензель повернулся к Шраму и повторил важную фразу:

– Ты без людей жить наметился, – И продолжил: – А без людей ой как трудненько прожить, соколик. Ты вот и сам в этом давеча убедишься, бегая, как зайка, по закоулкам. В любом деле кореша верные нужны.

Слова «кореша верные» шли Везелю, как бакенбарды Алле Пугачевой. Он даже выговорил их деревянно, губы правильно не гнулись под «корешей верных». Шрам слушал, не перебивая, потому что старичок, выражаясь образно, съезжал на жопе по нужному желобу. Хотя гнусил он в поучительной тональности, да пусть тешится, лишь бы дело сдвигал. Его, Шрамово, слово выскочит, как только набухнет в нем необходимость. А не-перебиваемый Вензель старался:

– Ты же, Шрам, друзей-приятелей не ищешь, все один норовишь. А один и в поле утонет. Конечно, дружки, они разные бывают. Толку мало, коли ты наберешь толпу кентов из баранов и быков. Лучше дружить с одним пастухом, чем со всем стадом. Но вот ведь в чем загвоздка –

зачем ты пастухам и прочим людям с влиянием? Что ты можешь от себя предложить? За просто так только студентки любят. Твой комбинат да изоляторушка следственный, спору нет, приобретения хорошие, но если не раньше, то в последние дни ты должен был усвоить, как хлипка твоя земля. Как легко могут растащить из-под тебя сокровища твои драгоценные, когда все разом накинется. Управиться с бедами лютыми только кореша верные помочь в состоянии. Теперь давай покумекаем, что ты предложить способен сильным людям. Да, наверное, такую штуку, что они сами отобрать наездами не смогут. Есть у тебя штука такая? Ведь есть. Или нет?

Вензель утомился от долгого говоренья. Пот на лбу не выступил (какой пот у мумии?), но побледнел-таки старичок от напряжения.

– Да, кое-что найдется. Короче, я понял, Вензель. – И почему, вдруг поймал себя Шрам, они не перейдут на открытый текст, чего им баснями изъясняться? Понятно о чем речь – об эрмитажных списках. – Я понял, Вензель. Да материальчик-то сырой, как глина или небогатая руда. Повкалывать требуется до готовности. Товар товарный вид любит. А вкалывать возможно лишь в покое, чтоб не отвлекало ничего.

– Ну вот, в разумение приходит начал. – Вензель. изобразил педагогическое удовлетворение, словно именно его слова возымели действие. – А то ты, как та собака... Сено-то не вечно. Да и собака не навсегда. Как говорится, или собака сдохнет, или сено сгорит, хе-хе. Хочешь сказать, по-другому в товарищи зовут? Так ведь звал когда-то и по-другому. Ты же не пришел тогда.

Вензель намекал на свое пособничество на сходняке, разбиравшем схлестку Шрама с Трубачом. Так никто дедугана о пособничестве тогда не просил, он сам принял сторону Шрама, посчитав, что Шрам со списками ему, дедушке Вензелю, нужнее, чем Трубач без списков. А раз просьбы и договора не было, значит, не катит Вензелева заява на какую-то там благодарность и должок.

– Я и сейчас к тебе не пришел, Вензель, – напомнил Шрам. – Ты ко мне. Я лишь вышел к тебе навстречу. Согласен с тобой, Вензель, друзья верные нужны, без них никуда. О пользе дружбы я никогда и не забывал и по сторонам, думая о том, посматривал.

Это Шрам намекнул, что, дескать, обзаведись он списочками, то в одиночку такую машину все равно по уму не освоить, так и так обращаться пришлось бы к авторитетным людям, а лучше Вензеля приятеля не найти.

– Кажись, на лад пошло. – Вензель сделал вид, что его устроили заверения молодого вора. – Вот что значит по душам потрендеть.

В одном истинно прав старикан: ополчи на Шрама весь город, что и было явлено последними днями – не победить в той схватке, задавят. А со списками к Шраму придет сила. Если вообще в природе существуют эрмитажные списки.

– На лад, говоришь? – Шрам откинулся на спинку автодиванчика. Слишком мягкий диванчик. Сергей вообще предпочитал жесткие спинки и сиденья. – Пожалуй, так. Лад и покой еще никому не вредили.

Вензель полез в карман. Если он чего подлого и задумал, то следовало напрягаться не сейчас, когда он вынет руку. Вензель вытащил сморкательный платок, облегчил шнобедь. Напрягаться следовало, когда Вензель сунет платок обратно. После этой операции его рука запросто может оказаться вооруженной.

Нет, Вензель всего лишь просто убрал платок и вынул руку пустой.

– Будет тебе покой, добрые люди озаботятся. Но доброта людская не безгранична. Потому что без конца выручать по одной лишь доброте тебя никто не станет.

Вензель повторился. Да и Сергею вроде бы нечего ему сказать, кроме «покедова». Пора разбегаться. Типа, обсудили и добазарились. Нет, ясен дуб, каждый продолжит играть по своим правилам, но до поры они станут друг другу подыгрывать.

– Ну а теперь, коль мы сошлись, открой тайну, Вензель. Все-таки, как ты меня вычислил?

– Чего проще? Кто тебе из тюряги телеконференцию с паханами летом обеспечивал? Мальчишечка один, по имени Антон³. Я знаю, ты людьми не кидаешься, вот и взял с той поры мальчишечку на карандаш. Гляжу, мальчишечка вдруг свою фирму открывает. На какие шиши, спрашивается? Знать, без твоих озеленений не обошлось. А когда наши кинулись ради тебя Питер расчесывать, я забил болт на изолятор и нефтекомбинат, про них все рюхают...

В это время «вольвешник» с авторитетными ворами обошел грязный КамАЗ. Возьми пьяненький большегрузный водила Егорыч чуть левее и долбанул бы иномарку. Ее мотыльнуло бы на встречную полосу как раз под набегающую «шаланду» с контейнерами. И знания об эрмитажных списках, а также воровской уговор были бы похоронены под грудой крашеного металла.

³ Вензель намекает на события, наложенные в романе Майданного Семена «Смотрящий 2. Крестовый отец».

Глава третья ХОЗЯИН ПУРГИ

Сон мне снится. Вот те на!
Гроб среди квартиры.
На мои похорона
Съехались вампиры.

Стали речи говорить
Все про долголетие,
Кровь сосать решили погодить –
Вкусное на третье.

Короче, перекрываются выходы на парадную и пожарную лестницы. Вот там и должна торчать охрана, держа хваталки на поясах возле ребристых рукоятей. И ждать, когда папы нашепчутся под водяру с закусем и начнут расползаться по машинам. Ну еще лифт, возле которого вполне достаточно нарисовать двоих пацанов. Пусть даже сидят на стульях с журналами в руках. Лишь бы вовремя отрывали задницы и становились в охранные стойки. И, разумеется, на балконах соседних с занятым папами номеров пусть дежурит по человечку против лихих спусков на стальных тросах.

Балконные караульщики жуют жвачку, просматривают подходы и сплевывают вниз обильной густой слюной, красиво растягивающейся белой змейкой в долгом-долгом полете к земле.

А гостиничный бар молотил сегодня вечерочком выручку на соках, лимонадах и калорийной жратве. На пластмассовые столики были выложены мобилы, издали похожие на шоколадные батончики. Когда одна труба начинала пищать, телефоны моментально расхватывались всеми. И за другими столами неизменно напрягались от чужих звонков.

Кто-то, с железными нервами, разгадывал кроссворд:

- Деталь интерьера?
- Вертухай.
- Не катит, нужно из семи букв.
- Тогда – конвоир.

Была в баре группа кавказцев, отсвечивающая под цветной иллюминацией черными кожанками, – надо понимать, национальной кавказской одеждой. Кавказцы по привычке горланили меж собой, но горланили вполголоса. И недобро косились по сторонам.

«Люксовый» этаж «Карелии» был арендован от двадцати двух ноль пяти и до тех пор, пока арендаторы не скажут: «Хватит, берите его обратно, заселяйте». Предположительно, на трендеж должно уйти не более двух часов, а уж как покатится на самом деле – Бог весть.

– ...И вдобавок ведешь двойную игру, используя нас втемную. Используя для своих делишек.

– Сильно ты, Карбид, сказал. Поднялся, поднялся. Еще годика два назад в бригадиришках ходил, а теперь... Эхе-хе. – Вензель достал красный батистовый платок и тщательно – зажав сперва одну ноздрю, потом другую – высморкался.

Самое смешное, что насморк начал досаждать Вензелю после встречи со Шрамом. Или двери «вольво» тот слишком широко распахивал, или у старика уже сложилась аллергия на Шрама? Пострадал он от Шрама, нечего сказать, и продолжает страдать. Вон Карбид какую

обидную речь двинул. Правильно покойничек Клим Сибирский скороспелой не переносил, какими бы удалцами те ни казались.

Пихнув платок в карман, Вензель одной пятерней накрыл круглый набалдашник трости, другую запустил в успокаивающую мохнатость белого персидского кота. Привыкли ладони к сочетанию твердого дерева и податливой шерсти, без этого нет ощущения полного комфорта в разговорах, как не было намерения в «вольво» при базаре со Шрамом.

– И что дальше, Карбид? – Вензель специально давал предьяве напиться гнилым соком, будто чирею. Чтоб потом смачнее гной чвыркнул. Между прочим подглядывал, как засемафорили рожи остальных. Кто за, кто против, кто воздержался?

– Дальше мы тебя будем слушать. – Карбид нервно ходил вдоль окон по кромке ковролина, позвякивая ключами или мелочью в карманах брюк. Остальные семеро сидели за столом на диванах, Харчо устроился на тумбе трюмо. Они в опасный базар влезать пока не торопились.

– Значит, Карбидушка, ты у нас решил, что старичок засиделся за столом, молодым дорогу надо уступить. Может, и так. Только ты, соколик, ничего толкового пока не прогнал. Гниль одну вывалил, обвинил в каких-то пакостях, а где же разъяснения? Так любой любому может забубенить – мол, ты, Такой Такойтович, нехороший человек. Ты сперва обвинения свои размажь, как масло по булке, чтобы и я, и люди уловили затейливый ход твоих мыслей. – Вообще-то рожи сидевших здесь пока не ласкали взгляд Вензеля, проросло волчьей ягодой посеянное Карбидом зерно. И еще выше вымахает,

– Чего там ловить? Люди тоже так думают. – Карбид остановился, зачем-то провел ладонью по планкам жалюзи, словно собирался исполнить на них мелодию. – Во-первых, Вензель, ты нас настропалил, чтобы сход без присутствия Шрама вынес ему предьявы. Затем ты настоял, чтобы мы спеленали его и спросили с него ответ. Во-вторых, ты сам встретился со Шрамом, перебазарил без нас и позволит ему свалить. В-третьих, ты теперь подписываешься за Шрама, убалтываешь нас забрать предьявы, оставить его в покое и считать с понтом – ничего не было. Он славный братан, а мы жестоко ошибались. И ты будешь гнать, что в этом нет темной игры за нашими спинами? В-четвертых, о самой темной игре. Ты охотишься за эрмитажными списками, хочешь захватить их сам, ни с кем не поделиться, а мы на тебя должны шестерить, как полные дурики. Ну чего, Вензель, не так?

Когда Карбид сложил из звуков слова «эрмитажные списки», в номере сломалась тишина: кто-то скрипнул стулом, кто-то хмыкнул, кто-то закоцал пальцами по столешнице. Карбид нарушил труднообъяснимое, но всеми признаваемое табу – никто, до кого доходили слухи о списках, вслух до Карбида на людях о них не заговаривал. Как у иных народов не произносят из суеверного страха имя дьявола, так в Питере всегда избегали слов «эрмитажные списки».

А кто-то впервые услышал о списках именно сейчас. Харчо, например. Он не стал этого скрывать.

– Э, что за списки? Почему не знаю?

Никто ему отвечать не взялся. Тем более тут же выяснилось, что еще один человек не в курсах. А конкретно – сам Вензель.

– Я тоже не знаю. – Старик пилил Карбида честно непонимающим взглядом. – Объяснись, соколик.

Карбид не ожидал такого оборота и разом попал на вилы. Придется пасть студить по полной, куда денешься. Упираться; «Да ты не можешь не чухать» – значит, перевести разбор в беспонтовое препирательство «знаешь – не знаю» и самому похоронить свои претензии.

– Списки, в которых прописано, кто чего увел из Эрмитажа в советские годы и толкнул за бугор. Ну в смысле, заметные люди, чинуши всякие, которые сперли или в доле были. Там компра на кого хошь, вплоть до москвичей. Ну в смысле, которые, из питерского эшелона нынче в кремлевской команде. То есть за жопу местных разом берешь, и до Москвы достать можно.

– Мама моя! – не сдержался Харчо. – Какой!.. – Дальше он ничего не придумал.

– М-да, м-да, – неопределенно и громко пробормотал водочный монстр и по совместительству один из самых маститых людей в шоу-бизнесе Махно, теребя себя за горбатый шнобель.

Хозяин обоих автотолчков и двадцати автосалонов плюс дольщик строящегося порта в Усть-Луге Кисель шумно вдохнул и твердо заявил:

– Пурга!

– Какая-то карта сокровищ, – вслед за Киселем высказался Вензель, предварив слова сухим смешком. – Значит, ты подвел к тому, что у Вензеля совсем крыша поехала, и делать ему нечего на старости лет, как гоняться за таинственными кладами. Эхе-хе...

Карбид вник, что куда-то не туда плывет базар, и все сказанное им может потухнуть в обсуждении байки про списки.

– Ты, Вензель, по Шраму нам ответь. Объясни людям, какую игру ты ведешь.

– Все у тебя, Карбид? – равнодушно полюбопытствовал старик. – «Быстрое возвышение, когда из говна да за стол, мозга завсегда набекрень скашивает. И тут же хочется еще повыше сигануть. Типа – я ж такой прыткий. Поглядим сейчас, соколик, на твои прыгалки», – думал дедушка русского криминала.

– У меня все.

– Тогда объясню. Только не ботву какую-то объяснять буду, а ответу на твои предъявы по пунктикам, как ты их мне вкладывал. Во-первых, с памятью у тебя не шибко, Карбид. Разве я кого подначивал на предъявы Шраму? Разве не вы вынесли на сход тему Шрама? Разве я на чем упирался рогом тогда? Давай у людей спросим, как дело-то было?

– Жора-Долото, – сказал Карбид. – Он затеял тогда базар, его подхватили Палец и ты.

– Вот видишь, сам все помнишь, а на меня поклеп возводишь, – укорил Вензель. – Я «подхватил»! Как ты словечками-то играешься, будто погремушечками. Я сейчас и твой базар подхватил, оправдываюсь вот. Значит, я опять в чем-то перед тобой провинюсь?

Карбид попытался спасти по секундам вянувший пункт первый.

– Все секут, что Долото твой... – Он споткнулся.

– И кто? – хмуро зарычал из-за стола Жора-Долото,

– Он тебе во всем эхом подпекает.

– И ты за базар готов ответить? – Жора зло толкнул по полированной столешнице стакан.

– Вы уж, соколики, после разберитесь, а то мы так и до второго пункта не доберемся. – Вензель показал, что он не намерен уходить от Карбидовых предъяв. – Значит, с пунктом первым разделились. Переходим ко второму. Про то, что я сам встречался со Шрамом. Так то беда-то ваша, что вы сколь ко дней гонялись за человечком по городу и изловить его не сподобились. Ни твои, Карбид, гопники, ни кого другого пацаны. Сколько ж ждать, зеваючи, прикажешь? Вот и пришлось самотужки все сполнять. Как видишь, я-то умения разыскать кого надо в нашем городе не утратил, быстренько вышел на Шрама. И что, за труды мои праведные я не заслужил поговорить за жизнь с человечком сам? Поговорить и решить, созывать после сход или обойтись. Или доверия мне нет? Ну у тебя-то нет, а люди ко мне пока с претензиями не подгребали. Это по второму твоему пункту.

Карбид промолчал. Он, конечно, ставил на третий пункт, полагая, что эту пику так ловко Вензелю не выпепелить. А Вензель, будто настройщик рояля, ловил ушами сопение народа. Где клавиша западает? Где фальшивую ноту ждать? Нет, вроде переломился хребет расклада. Пора коготки в чужие души запускать.

– В-третьих, ты толкал про предъявы к Шраму, которые я вроде бы обратно забираю. Ты же мне и не дал как следует о том людям поведать, перебил, раскурлыкался. Теперь, спасибо, спокойно и обстоятельно изложу. Повторил я Шраму слово в слово, что тогда на сходе проговорили. И он мне по пунктикам, прямо как Карбидушка, ответку дал. Дескать, два лимона

зелени, что себе забрал, он в комбинат вложил, а в общак уже с комбинатовской прибыли отстегивает. И больше отстегивает, чем требуется, как бы долю с тех лимонов общаку возвращая. По понятиям это верно. Так я решил, а уж какое ваше мнение будет, сейчас узнаем. Касается запуток с беглецами из зоны, Шрам пожал плечами и сказал, что может лишь повторить рассказанное им ранее. И добавил, что проверить его правоту невозможно, остается верить или не верить, как кому нравится. Ведь натурально невозможно проверить. Что ему ответишь?

Кот под сухой куриной лапкой Вензеля шевельнулся, обвел присутствующих дурными салатными огоньками и снова затих. Типа, и охота вам, чудилы, порожняки гонять. Ясен клок, Вензель, что Штирлиц, любой наезд под откос запинает. Эх, не видели вы, каким он гордым беркутом лет двадцать-тридцать назад парил. Не такие сухогрузы разводил.

– Про ментов «угловых» Шрам отвел, что они у него куплены, пашут на него, а капусту всем нам в общак добывают. Дескать, мы ж тоже ментов скупаем, так чем он хуже? – Артист Большого театра Вензель опять прокачал публику. Кажись, публика готова в воздух чепчики бросать. Пора, пора бенефис начинать. – Что скажешь, Харчо? Верно я рассудил?

Харчо Шрама не любил и, по своему обыкновению, не считал нужным это тихарить. Поэтому Карбиду не зарыбачить в словах Харчо «подпевания». И если уж Харчо согласится с отводом предьяв... Ну а Вензель подметил, что Харчо после того, как услышал о всеильных списках, плавает в своих мыслях, далеких от обсуждаемых проблем. Харчо, тут и дебил дотумкает, загорелся добыть списочки и сейчас что-то по этому поводу прикидывает.

– Э, – кавказец с неудовольствием оторвался от увлекательных думок, – нормально все.

– Нормально так нормально. – Вензель не дал Карбиду среагировать и что-нибудь вставить. – В-четвертых, про списочки. Их мы уж обмозговали и справа, и слева, как мне кажется. Ты придумал себе, что раз я старичок старенький, то сказки и байки всякие слушать люблю. Ну, одну сказу ты пересказал, хорошая сказочка, не спорю. Если еще есть, не скрывай от нас, позабавь. И в-пятых... Это уж, извини, мой собственный пунктик добавился. В-пятых, ты, Карбид, на три минуты сегодня опоздал на сход, ждать себя людей заставил. Я, конечно, понимаю, ты забурел и прешь, и прешь вверх по крутому склону. И еще с кручи взлететь намерен, но людей все-таки уважай на всякий случай. Вот и весь мой сказ, соколик.

Карбид отвел шары от Вензеля и оглядел людей, собравшихся в номере. Пройдясь по репам, он догнал, что проиграл старому вору вчистую. Значит, уже не его положение среди воров, а его жизнь повисла на нитке. Только ножницами чикни. И открывать ему сейчас грызло, что-то оспаривать – бесполезняк, все во вред зачтется.

– А я на тебя зла не держу, Карбидушка, – внезапно сказал Вензель. Вроде искренне сказал. – Ты человек молодой, заблуждениям подверженный, за нашим столом, считай, совсем недавно, не все еще усвоил. Живи, учись. Сегодня урок хороший получил, на пользу должно пойти. Мы тебя простим нынче, люди со мной согласятся, пусть будет: ты ничего не говорил, а мы ничего не слышали. Зачем нам толковыми пацанами разбрасываться? Но уж извини, наказывать-то тебя надо хоть немного, для ума. Поэтому мы без тебя сегодня договорим, а ты вали, отдыхай, думай...

Глава четвертая БРАТАНЫ И СЕСТРУХИ

Ой, где был я вчера, не найду, хоть убей!
Только помню, что стены с обоями.
Помню, Клавка была и подруга при ей,
Целовался на кухне с обоими.

Я такая! Ну и что?

Люблю мужчин. Настоящих. Ненавижу скулящих неудачников. Ненавижу барыг дешевых и прочую петушащуюся мелкоту, отломившую кусок размером с член мальчика-китайца, возомнивших себя Ди Каприями. Типа, под них женщина должна без приглашения падать, еще в падении раздвигая ноги. Ненавижу чиновников, непременно потных и женатых, с жопами разной ширины под разные кресла, но этих я люблю потрошить и обламывать. Ненавижу офисных мальчиков с их выпендрежем на пустом месте.

А настоящих мужчин люблю. Мужчин, которые эту рисующуюся шуштуру не замечают, плюют на них, смахивают в сторону, а те – или отбегают подальше, или заискивают.

У настоящих мужчин всегда есть настоящие деньги. Деньги я тоже люблю.

Он подошел ко мне в боулинг-зале клуба «Винтерхаус». Я играла одна. До его прихода отклонила три предложения: «составить компанию», «помочь добросить до кеглей», «научить технике броска под названием „влупинг“, которым нельзя не выбить страйк».

Он поставил свой стакан с коктейльной соломиной на мой столик, загасил сигарету о мою пепельницу.

– Трезвой вы никогда не сшибете главную кеглю в вашей партии, мадемуазель.

Голос – как у Сталлоне. В глазах цвета серебристого «мерседеса» – полное, искреннее безразличие к тому, «да» я в конце концов скажу или «нет».

– Составите мне компанию на коктейль по рецепту Джеймса Бонда: сухой martinini с водкой, взболтать, но не смешивать? С моей добавкой – пить залпом, не муржась с соломинкой. Потом вместе доиграем.

Он не слишком выдался ростом. Но и Мел Гибсон невысок, но ка-ако-ой мужчина! Как я его обожаю!

Сегодняшний одет с небрежностью настоящего мужчины. Часы – настоящий «Ролекс», уж мне ли не отличить. И что бы он ни сказал – хоть на языке негров заговори со мной, – разве я б отказала?

И я составила ему компанию. Сегодня вечером я была в черном облегающем платье. Слава Богу, есть, что облегать. По мне «Плейбой» с «Пентхаузом» безутешно плачут.

Мы пробыли в баре недолго. И в боулинг-зал не вернулись.

– Ко мне не поедem, – сказал он, заводя свою машину (еще б у настоящего мужчины не было машины!), оказавшуюся «тойотой». – В гостиницах пахнет клопами и чужим потом. Нацелимся к тебе. У такой, как ты, не может не быть собственной уютной норы.

Что мы проведем ночь вместе, слова до того не было. Может быть, я должна была взвизгнуть: «Да за кого вы меня принимаете?!» – и выпрыгнуть за дверцу автомобиля косметикой об асфальт? И зачем? Затем, что так поступают порядочные женщины? А кто говорил, что я порядочная?

Ну а мужчина просто обошелся без всяких стыдливых глупостей про «кофе попить», назвал вещи своими именами. Правильно он меня принимает. За блядь. Хотя я вам не шлюха какая-нибудь.

Я живу мужчинами. Я люблю их запах. Их волосатые ноги и руки, волосатую грудь. Их раздутое, как воздушный шар, самомнение. Их драгоценные погремушки, такие непохожие друг на друга: средние, огромные и маленькие, с головками, похожими на шляпку гриба или на шар, или даже с головками заостренными, как ракеты, с густой, как джунгли, шерстью вокруг их сокровища. И все меня хотят, тянутся ко мне, наливаются соком желания, дрожат от возбуждения, из маленькой нетерпеливой дырочки их сокровища, как слеза, как мольба «пусти же!», вытекает капелька смазочной жидкости...

Я люблю мужские подарки. Я люблю, когда за меня платят, когда мне предлагают деньги. Я люблю соглашаться на их желания, зная, что могу и отшить. А чтобы трахаться с первым встречным без права на отказ, ездить по баням и бандитским малинам! Фу!

Может быть, лет через пять так и придется делать, но, думаю, не придется. Думаю, скоплю денег, куплю магазинчик или салон красоты, управляющие будут зарабатывать мне на жизнь. Может быть, не очень шикарно придется жить, да ладно, привыкну. Или выйду замуж. За какого-нибудь богатого старпера, влюбленного в меня до полной слепоты, которой я буду пользоваться...

Мы приехали ко мне. По дороге слушали «Джипси Кинге». Сергей – я называла его имя? – в дороге молчал, выглядел чем-то озабоченным.

Сначала мы пили кофе, за которым ко мне в квартиру так много мужчин поднималось из своих машин. Потом он сказал; «Давай спать», и я пошла в ванную.

На всякий случай не помешало бы завести собачку в доме. Конечно, не такую страшненькую, как питбуль, но чтобы защитила. Мужчины, они всякие попадают. Если совсем туго придется – в ящичке, где трусики, лежит пистолет. Маленький, но настоящий. Кажется, «браунинг». Однако пока проносило. Хотя один раз мне все-таки съездили по лицу. Кавказец, довольно пожилой. У него не встал, а виноватой вышла я. С тех пор с черными ни-ни.

Наша ночь закончилась быстро. Сергей взял меня всего раз. И как-то уныло и вяло взял, словно выполнил супружескую обязанность. Еще в машине мне показалось, на него навалилась эта противная усталость. Обидно, конечно. Но если утром он оставит мне на комод несколько зеленых бумажек или отвезет меня в магазин и купит что-нибудь, что мне понравится, я прощу ему ночь.

Потом мы уснули. Он сразу, что называется, отрубился. Я повздыхала, поворочалась и тоже отключилась.

А утро изменило мою жизнь.

Будильник показывал восемь тридцать. Я в такую рань обычно не встаю. Видимо, Сергей пошевелился, задел меня, я проснулась, потянулась, и тут же пробудился он. Притянул к себе. И вот тогда уже оттрахал на славу.

Конечно, заниматься любовью спозаранку, едва продравши глаза, не самый лучший вариант для женщины. Но все-таки приятно, когда тебя желают так буйно. Однако, подруги, страсть страстью, а про «резинку» не забывайте. Мужики, они безрассудные, особенно если выпивши. Никогда нельзя верить их «да я здоровый, проверялся», всяким «да не люблю я через галошу, чувствовать тебя хочу». Нахлебаетесь, если поверите.

Потом я стала гладить его тело. Сколько же на нем рубцов и шрамов. Как у солдата. Беденький.

– А этот откуда? А этот от чего? – спрашивала я его.

Он отшучивался. «На Колчаковских фронтах я раненый», «бандитская пуля», «татарская стрела».

– Ой, а это что значит? – уткнулся любопытный женский носик в плечо, где синяя молния пронзала лиловую тюремную решетку.

– Ответ знает только ветер. – Шрам щекотнул губами мой сосок справа.

И вдруг я вспомнила!

«Если увидишь у кого, – сказал Гера по прозвищу Панцирь (смешная кличка, говорят, он ее получил в боксерскую юность за устойчивость к ударам по голове) и показал раскрытый блокнот, – звони. За наводку на чувака обещано двадцать тонн зеленых».

Я взяла с прикроватной тумбочки зеркало. Мне надо было отвернуться от Сергея, чтобы не заметил волнения.

Боже, какая я страшная! Растрепанная, припухшая, бледная, как спирохета, синяки под глазами. Как такую можно захотеть? Брось любоваться, надо срочно все обдумать, Анжела, приказала я себе. Хотя на самом деле меня зовут Клава, ну да то родительская ошибка. Думай, думай, Анжела!

Кто он мне, человек на кровати? Никто. Уйдет, и поминай, как звали. Любовь с ним не закрутится. Да и зачем мне крутить любовь с парнем, за которым гоняются. Еще положат рядом одной очередью. А если его ищет Панцирь, значит, его ищут очень серьезные мальчики, которые меня спросят потом, почему я сразу не позвонила. Не разглядела рисуночек на руке? Не поверят.

Двадцать тысяч баксов зараз – обалденные деньги. И сразу уеду месяца на два в Испанию. Или во Францию. Париж я тогда из-за Сержа так толком и не расчухала. Куплю машинку, выучусь водить. И еще останется.

– Я в ванную, милый, – пролепетала я и соскочила с кровати.

Он ничего не произнес, лежал, заложив руки за голову и закрыв глаза.

Забегала на кухню, схватила комнатный радиотелефон и прошмыгнула в ванную. Включила душ, вывинтив до отказа краны горячей и холодной воды. А черт! Записная книжка. Сумочка в коридоре. Я, голенькая, тихонько выскользнула из ванной, схватила сумочку и вернулась. Закрылась на защелку.

Сердце колотилось, как перед первым трахачем в жизни. От волнения я возбудилась. Я бы сейчас не отказалась, чтобы меня трахнули под душевыми струями или на стиральной машине. Но я не стала открывать дверь и звать Сергея, я листала записную книжку, не сразу вспомнив, на «Г» или на «П» у меня записан Гера-Панцирь.

Нашла номер Гериной «трубы». Или не связываться? Я зажмурилась и увидела двадцать тысяч. Они привиделись мне в открытом кейсе, аккуратно уложенные зелеными пачечками, перетянутые, резинками. Вытаскиваешь из кейса пачку – и сразу столько всего можешь...

Я начата втыкать кнопки. Скажу, чтобы ждали внизу. У машины. Не в квартире. Нет, только не в квартире. Я ни при чем. Они же могли вычислить Сергея по машине?

Раздачей первый гудок. Я заволновалась – а вдруг вместо Геры замымрит противный женский голос: «Абонент находится вне зоны действия сигнала, или его аппарат отключен».

– Да.

Гера, я сразу узнала. Еще не поздно нажать «отбой». Но набралась-таки духу:

– Гера, это Анжела...

Защелку выдрало с корнем. Дверь отлетела в коридор, но на петлях как-то удержалась. Он уже был в брюках, но босой и с голым торсом. Подошел – я сидела на краю ванны, как мокрая мышь, а на моих коленях хрипел Гера: «Алле, кто это? Какая Анжела?» – взял у меня телефон.

– Ну это же так просто, дорогая. Если бабы убегают в ванную, Анжелка, то сразу. А если уж начинают гладить да ворковать, то ждут продолжения банкета.

Да, я промахнулась. Ведь действительно его болванчик начал оживать, приподнимать голову, а я, дура, схватилась за зеркало.

– Сергей... – Я хотела ему что-то наврать, кажется, про ревнивого ухажера.

Он не дал:

– Молчи, Анжелка, молчи, лярва. Ну никакого спокойя, все норовят продать.

Он запустил мне в волосы тяжелую пятерню, провел по голове.

– Не знаю, оставить тебя в живых или наказать?

Его пальцы обхватили мой подбородок, больно сжали. Усмехаясь, он входил своими глазами в мои глаза. Трахал взглядом. Я вдруг поняла, что вчера он пробрал меня именно глазами – серые клещи, цапающие тебя за сердцевину.

Сейчас по глазам же поняла – не оставит в живых, он не умеет прощать. Выть и заклинать бесполезно. А он вдруг нажал на мобиле повтор номера и через три сердечных еканья хрипнул:

– Салют, Панцирь. Почему не растолковал своей шмаре, что сезон охоты на Шрама закрыт. Кто говорит? ШРАМ ГОВОРИТ! Тебя что, не учили правилу: «Уходя, гасите свет»?

Мужчины, мужчины... Так и должно было закончиться. В мужские игры нельзя забираться слишком глубоко. Эх, надо было выходить замуж за того белобрысого и конопатого студента, что ползал на коленях по моей комнате в общежитии, плакал и умолял. Сейчас он кем-то при губернаторе. Но кто ж знал...

* * *

– Но, Алиса, мы должны угодить его пристрастиям, – так сложно выразилась Юлия Борисовна. – Если он в предвыборной программе заявляет, что выступает против социальной несправедливости, значит, он – розовый. Если божится денно и ночью помогать неимущим, значит, придерживается правых взглядов. Это же как дважды два!

– Юлия Борисовна, не пори чушь! Сейчас только больной не любит неимущих, – на правах главной в отсутствие Дениса повысила голос Алиса. – Ты б еще подшивку «Правды» придумала на гвоздик повесить. Лучше пыль вытри, больше толку будет. Насосам не нужны единомышленники. Им нужны профессионалы. Думаю, поэтому он отказался от услуг размазней из «Елея».

– Я с вами не согласна. – Подчиненная обиженно прижала к блузе на уровне впалой груди развернутый журнал «Первые лица». Развернутый на интервью с Зюганым. – Я буду вынуждена поставить в известность о нашем споре Дениса Матвеевича!

– Твое право, – сухо сказала Алиса и мысленно добавила: «Старая вобла», – Впрочем, без особой злобы. – А пока давай-ка пыль протри.

Юлия Борисовна с гордо поднятой головой отправилась за тряпкой. Алиса принялась расставлять на полке книги «Теория и практика рекламы» Латыниной, **«Политическая реклама» Константинова**, **«Создание положительного имиджа» Бушкова**... Последнюю книгу, подумав, Алиса положила на стол начальника рекламного агентства. С понтом – настольная. Примерилась завесить выцветшее пятно на стене рекламным календарем «Арс Лонга», но не оказалось под рукой канцелярских кнопок.

Опять вошла в кабинет Юлия Борисовна. Опять без тряпки.

– Алиса, – торжественно сказала старая вобла, – я вот тут над вашей идеей с «Правдой» подумала. Может, действительно разных политических газет на стол Дениса на бросать? В этом живописном беспорядке? Пусть гость увидит, что мы интересуемся политической жизнью.

– Юлия Борисовна, нам начхать на политическую жизнь. Мы просто делаем депутатов. Мы – не подпольный обком, а фабрика по производству депутатов. По выпечке депутатов муниципальных образований, по пошиву депутатов местного созыва, по штамповке депутатов Законодательного Собрания. Ясно? А сейчас мне нужны кнопки.

Юлия Борисовна, сейчас, как никогда, похожая на червивую сливу, поджав блеклые губы, исчезла из кабинета.

Весь сыр-бор происходил по заурадной причине. Директор рекламного агентства «Правильный выбор» Денис Кораблев рядом с офисом в кафешке пересекался с потенциальным клиентом. Клиент разочаровался в обслуживавшем его прежде агентстве «Елей» и подыскивал замену. Вполне вероятно, Денис заманит клиента продолжить беседу в кабинет. А клиент – феерически денежный мешок.

В чем Алиса заранее была согласна с клиентом, так это в том, что в «Елее» напрочь не умеют работать. До сих пор город навзрыд хохочет над одной историей. Ведя кандидата (по профессии – врач, по горькой фамилии – Козлов), халявщики из «Елея» устроили пиарную акцию у метро «Маяковская». Несколько гавриков в белых хататах раздавали на халяву простенькие таблетки и, понятно, бумажки с агитацией. На спинах медицинских халатов было пафосно написано: «Выбери меня! Козлов». Однако халаты оказались кроены на дядь Степ, а натянули их сплошь коротышки. И «меня!» терялось в складках.

Алиса вдумчиво рассыпала по столу горсть визиток из канцелярского стакана. В стакане спецом для таких случаев хранились особенно почетные визитки: всякие Балтийские авиалинии, Ассоциации мебельщиков, ПТС и иже с ними. Типа, от крутых заказчиков отбоя нет.

Наконец появилась Юлия Борисовна с тряпкой пыль протирать.

– Я же просила кнопки,

Юлия Борисовна, из синей став фиолетовой, испарилась. Алиса, вздохнув, положила на стол свой «паркер», как завершающую натюрморт деталь. Вдруг потребуются срочно подписывать контракт? Прочие, натканные в канцелярский прибор презентационные авторучки давно выдоились или высохли.

Появилась Юлия Борисовна с кнопками. Дамы, забыв прежние обиды, стали дружно прищипливать к обоям глянцевый календарь «Арс Лонга». Пока прищипливали, Алиса все жалела, что они – честное рекламное агентство. Вот ходит же по народу история, будто некие москвичи втюхали «Кока-Коле» право размещать рекламу на корпусах космических кораблей «Энергия». Бабки нешуточные. Только когда «кокаколыщики» сунулись на космодром, их послали подальше. Мол, ничего не знаем. Понятно, рекламное агентство ждать предьяв не стало, растворилось во мгле.

И тут в кабинет вошел косолапый Денис, лицом пасмурный, спиной сгорбленный. Один: Недоуменно посмотрел на сотрудниц, вроде совершенно не узнавая. Студнем опустился в кресло. И уставился затурканными глазищами на обложку книги «Создание положительного имиджа».

– Этот Сергей Владимирович Шрамов – настоящий урка, – как бы оправдываясь, промямлил Денис. – Причем птица очень высокого полета. Нет, он вообще-то вежливый и культурный. Только в гробу видал я такую вежливость! – как бы самому себе и не замечая теток, жаловался Денис.

– А по политическим убеждениям он кто? – Юлия Борисовна доказала, что правильно ей не повышают зарплату.

– А знаете, почему его «Елей» не согрел? – Денис раскололся, что в курсе о присутствии женщин в его кабинете. – Он объяснил им на пальцах, что если его не изберут, они будут отвечать за базар. «Елей» тут же свалил в осадок.

Алиса взяла Юлию Борисовну под руку, проводила до дверей и выставила из директорского кабинета.

– Ну рассказывай, – повернулась она к начальству. – Он на тебя наезжал?

– Я ему в обычном темпе вальса стал грузить нашу поэму. – Денис говорил, будто исповедовался, как его обобрали в наперстки. – Мол, для того, чтобы с большой долей вероятности быть избранным в Законодательное Собрание, по оценкам экспертов требуется затратить на

предвыборную борьбу около трехсот тысяч зеленых. Ну, думаю, сейчас душиться начнет по полной схеме. А он легко так говорит: «Даю лимон, но если не проканает, я тебя на донорские органы за бугор раздербаню!» И я... Ну, в общем... Это... Лимон долларов... Не знаю, как... В общем, я согласился... Завтра бабки упадут на наш счет!

Глава пятая

ЗАПЕКШАЯСЯ НЕФТЬ

Да, мы бываем в крупном барыше,
Но роем глубже – голод ненасытен.
Порой копать в собственной душе
Мы забываем, роясь в антраците.
Воронками изрытые поля
Не позабудь и оглянись во гневе.
Но нас, благословенная земля,
Прости за то, что роемся во чреве.

Двое шли по ресторану. Мэтр, который при входе в зал, лучезарно улыбаясь, разбросал руки и хотел произнести предельно уважительную фразу про пальто, которые следует сдать в гардероб, с застрявшим в горле словом «господа» и разбитыми губами отшелестел в угол.

– Эй, парни, минуточку! – не то чтобы крикнул, скорее громко и не нагло позвал вышибала. А потом почему-то предпочел не догонять плохих посетителей. Вместо этого сочувственно склонился, доставая платок, над нокаутированным мэтром.

Официант, вынырнувший с подносом из подсобки, на свою беду очутился поперек пути у хмурой пары в черных кашемировых пальто и, получив ногой по ребрам, вlepился в стену. Звон расфигаченной посуды мало кто услышал – оркестр на полную вламывал по струнам заводной музон. А кашемировые пальто уже рассекали пестрорядье танцующих, их черные полы лупили по колготкам и брюкам. Какой-то плясун, получивший плечом в плечо и попробовавший вякнуть «Вы чего? Совсем...», получил кулаком в зубы.

Двое в черном кашемире вышли на середину зала, завертели башнями.

– Вон он, за угловым, у кадки с фикусом. – Палец, обтянутый черной перчаточной кожей, вытянулся, указывая путь.

Танковой походкой нетерпеливые клиенты двинулись к цели.

За столом лакомились ресторанной хавкой под красное вино и разговор тоже двое. Но не в пальто и не одни лишь представители мужской половины.

Слаженно хрястнули дружно оседланные стулья.

– Привет, Шрам, – сказал первый «кашемировец».

Второй промолчал, и как-то делалось ясно, что будет молчать и впредь. Он словно бы задвинулся назад, глубоко, на позицию номер «два».

– Столик занят, Карбид, – наколол на вилку кусок антрекота, ножом намазал соус и отправил в рот Шрам. Равнодушный, холодный, собранный.

Карбид по-хозяйски поерзал на стуле:

– Теперь занят.

Спутница Шрама, испуганно сжавшаяся после последних слов незнакомцев, и взгляда-то ихнего пока не удостоилась. А напрасно. Ли Чунь – симпатичная вьетнамочка. Как и все вьетнамки – маленькая, чернявенькая, узкоглазая, с подростковой грудью, но, в отличие от большинства соплеменниц, лицом мила, нос и губы тонкие, нога стройные, а попка аппетитная. А уж верткая! Но что «кашемировцам» смотреть на бабу? Маруха и маруха, полно их шастает.

– Извините, Сергей Владимирович, я бы хотел спросить... – Это подоспел мэтр в робком сопровождении вышибалы.

– Вали, халдей! Живо!

Но мэтр ждал распоряжений не хама в кашемировом пальто, а Шрама.

– Нормально, Петрович. Я сам утрясу. – Сергей посмотрел на метрдотеля, задержав взгляд на разбитой губе.

Главный над официантами пожал плечами и с грустной покорностью отвернулся от стола.

– Просто так людей обижать не следует, Карбид. – Шрам продолжил резать антрекот. – Когда-нибудь обязательно аукнется. Сразу видно, что ты зону не нюхал, первейших правил не знаешь. Ну так ведь ты же у нас из спортсменов.

Если «у нас» прозвучало иронически, то «спортсменов» – гнойным плевком.

– Зоной понтуешься, Шрам? Парашей хвастаешься? Туберкулезом еще пофорси.

Шрам знал о вчерашнем сходняке. Вензель позвонил и напел, только из гостиницы высвободился. Упомянул за генеральный облом Карбида. Намекнул, что Карбид с придурью и гонором. И вот Карбид здесь. Логика Карбида простая, спортсменовская: он почуял, что выпал с делового уровня в аут. Теперь его по-тихому, по-быстрому замнут-загасят. Воевать со всеми он не осилит. Или, вернее, сможет, только если овладеет списками. А подход к спискам у Шрама – и вот Карбид здесь.

Волну гнать Карбид предпочитает по-спортсменовски, тупо, на два хода: наехать и напугать, не отдадут – месить, пока не отдадут. В ресторан он заявился, чтобы надавить на Шрама, показать, дескать, достанет, когда захочет, и тут же предложить скорешиться на списках против всех. Не добившись желаемого, олимпийский резерв должен начать взрывать машины, стрелять по окнам, гасить по очереди ближний круг Шрама и каждый раз после наезда звонить: «Не передумал еще?». Спортсмен, одно слово.

– А ты туберкулеза не боишься? – Шрам, прожевав антрекот, запил красным вином. Настоящим грузинским вином, разлитым в городе Хашури. – Ах да! Ты у нас здоровый! Типа, ничем не подорванный. Значит, ты здоровее чахлого, прокуренного и прочифиренного зека. – Шрам вытер губы салфеткой.

– Хватит пурги, Шрам! Базар у нас будет серьезный и конкретный.

– А чего ты по фене пыжишься выдавать, если не мотал. Давай ботай по-спортивно. Может, ты тогда со мной и чифирь будешь пить, кто кого перепьет? Я же, как ты верно напомнил, из сидевших. Ресторан чифирем заканчиваю. Или слабо? Или здоровья не хватает?

Никто не запрягается «на слабо» так легко и просто, как матросы, спортсмены и дети.

Сергей поднял руку, приглашающе махнул рукой. Будто черт из табакерки, у стола вырос официант.

– Нам чайничек чифирия. И чтоб наготове всегда пыхтел новый, пока не дам отбой. Чай индийский, из пачек со слоном. Бульонить из расчета полпачки на кружку. Кружки алюминиевые. Вопросы?

– Со слоном? – переспросил официант для того, чтобы взять паузу и уяснить, всерьез они делают заказ или прикалываются над ним.

– Со слоном, со слоном.

– Сейчас будет, сделаем. – Отбегая, официант услышал, как один клиент другому сказал:

– Ну что, Карбид, засрешь чифирь со мной на равных глотать?

В ресторанном закулисье, где официант чувствовал себя, как боец в родном тылу, он наткнулся на мэтра, уныло бродящего по помещениям.

– Петрович, эти чифирю захотели.

– Чего ты мне докладываешь? – взвился всегда спокойный Петрович. – Иди делай! Делай все, что скажут.

Мэтр, отняв от губы салфетку в размытых красных точечках, прошел к выходу в зал. Прислонившись к косяку, он оглядел свои владения. Другими, не всегдашними глазами оглядел. Как чужую территорию в бинокль оглядел. И отсиживаться ему сегодня в засаде, руково-

доть отсюда, лишь в экстренных случаях выбираться в зал, пугая клиентов разбитой физиономией.

Мимо начальника багетными кузнечиками проскакивали подчиненные с подносами и без. Наконец и Ромка потащил чайник козлобаранам этим, а еще зачем-то две алюминиевые кружки. Эх, подпортил себе репутацию Сергей Владимирович в глазах мэтра. Такой хороший клиент, и такие паскудные друзья.

Ясно, что сейчас спрашивает у клиента услужливо склонившийся Ромка – «Вам разлить?». Отослали. Может, с чифиря своего им поплохее. Не в ресторане, конечно, а в машинах, летящих на полном ходу... И мэтр; отлепившись от косяка, пошел жаловаться на жизнь Шуне-повару.

– Ну поехали, спортсмен.

Оторвались от стола алюминиевые кружки. Не чокаясь, пришвартовались к губам. Обжег кожу нагретый металл. Зажурчала по пищеводам жидкость цвета гуталина.

Чифирь знакомо врезал по мотору и по шарам. Ек-ек-макарек – стало бить чечетку сердечко. Нервишки выстроились по струночке, хоть «Мурку» вместо балалайки на них бацай. И сосудики-то, сосудики оттяжно расширились, стали будто жерла у гаубиц. И заплескалась кровушка вдоль по сосудикам с запрещенной ГИБДД скоростью. А Карбиду чифирек должен вмазать незнакомо. Он-то думает – фигня. Что ему, каэмэсу, сделается? Шрам черкнул взглядом по одному из ресторанных столиков, за которым дыбилось двое его парней, Витек и Колобок. Они, ясен дуб, не въезжают, что закручивается. Но раз шеф не призывает ронять Карбид или чего другое чудить – значит, следует ждать.

– И эту погань вы хлещете на зоне? – морщась, отхлебывал из кружки Карбид. – Погань из веников вместо водки, жопа вместо п...ы. Есть зачем туда попадать.

– Нехорошо, Карбид, при даме выражаешься. При моей даме, – процедил Шрам. Многозначительный, расчетливый, коварный.

– Где дама? – Карбид впервые подарил вьетнамке поверхностный осмотр. – Китайка! Сказанул тоже «дама»!

– Ну давай тогда, Карбид, выпьем за то, чтобы тебе никогда на зону не попасть.

Двусмысленности в тосте под чифирь Карбид не уловил. И влил в себя, смело влил хорошую порцию медленно остывающего чифиря. А официант уже подбегал к столу с новым чайничком.

* * *

Мальчишка был соплив и лохмат, но держал руки в карманах. А глазенки птенца с интересом бегали по комнате, типа, по фиг были мальчишке обращенные к нему гневные речи.

– Ты че наделал?! – пыхтел саксофоном Денис. – Я тебе говорил со Шрамовым срывать? Я тебе говорил срывать с Авдеевым, Никитенко и Свичкарем. А ты драл все подряд!

На столе перед Денисом внушительным ворохом лежали вещественные доказательства того, что двенадцатилетний работник облажался. Это были предвыборные листовки – мятые, в подтеках задубевшего клея, абы как содранные со стен по всему избирательному округу. Это были предвыборные листовки с портретами Авдеева, Никитенко и Свичкаря, но и Шрамова Сергея Валентиновича.

– Понимаешь, что если ты содрал поголовно все листовки, а не оставил нужные, то вся работа насмарку?

– Больше содранных листовок – больше бабок, – отрезал папаненок и чистосердечно улыбнулся. – Если бы я только троих срывал, это получался бы двести шестьдесят один рубль. А так выходит триста тридцать шесть.

– То совсем не слышишь, что я тебе втолковываю?! Ты угробил всю работу, ты понимаешь? Не я тебе должен, а уже ты мне. Потому что мне снова придется отправлять людей новые листовки клеить. Понял?

– Понял. Клеить будет на рубль дороже, чем срывать. – Мальчишка так жадно уставился на факс в глубине комнаты, будто уже готовясь вынести его.

– Все, ты меня достал. Вали к чертовой бабушке и забудь сюда дорогу!

Пацаненок остался на месте, причем улыбался так же лучезарно, как и прежде. А входную дверь важно открыла источающая рыбный шмонизм дамочка с тяжелой хозяйственной сумкой:

– Ой, Денис Матвеевич, у вас рядом шуку продают. А я, как штык, как договаривались.

– Вероника, вы даже раньше назначенного. – Денис подхватился со стула и, стараясь загородить кормой стол с листовками, выдвинулся навстречу. – Пройдите в мой кабинет. – Сбагрив дамочку заседающим в кабинете начальника агентства «Правильный выбор» Атасе и Юлии Борисовне, Денис вернулся за стол. – Ты еще здесь?

– За вами триста тридцать шесть рублей, – важно сказал пацаненок и опять во всю растащил губами.

– Исчезни отсюда. Или тебя за ухо вытаскивать?

– Мне пацаны подсказывали, что если бабки зажмите, я могу в любую газету прийти. Там за мой рассказ про эти дела такие же шиши заплатят.

У начальника сделалась рожка, будто он – фокусник и сейчас изо рта вытащит яйцо. Это длилось недолго, но у Дениса навсегда осталось чувство уважения к несовершеннолетнему работнику. Не потому, что испугался шальной угрозы, а из чисто человеческого любопытства Денис вписался в игру:

– А знаешь, что если ты сделаешь такое, то больше ни в одном рекламном агентстве ни копейки не заработаешь? От тебя, как от сифилитика, будут шараться.

– Это потом, а мне бабли сегодня нужны. – Мальчишка стал рассматривать дремлющий на соседнем столе принтер. Очень похоже, на предмет рыночной стоимости этой штуковины у скуп шика краденого.

– А ты знаешь, что я рекламу с кандидатом Шрамовым по всем газетам размещу. Так что никто твой рассказ не напечатает. Кому охота с рекламодателем ссориться? И на телепередачи не надейся, там тоже буду.

Наконец лучезарная улыбка исчезла из наглого клюва птенца:

– А мы вашей лайбе шины проткнем, – ляпнул первое пришедшее на ум желторотик, но быстро придумал ход поядреней. – А еще мы станем тусоваться у дверей офиса и всем говорить, что здесь дурят.

– Сильно, – согласился Денис. – Хорошо, мои условия: я тебе заплачу за троих...

– Двести шестьдесят один. – Мальчишка теперь перевел глазенки на шкаф, в котором обвисала верхняя одежда сотрудников, малость хлопчику великоватая.

– Двести шестьдесят один рубль. Но после того, как ты... – Денис посчитал в уме. – Бесплатно приклеишь на прежние места двадцать пять листовок со Шрамовым,

– Мне надо посоветоваться, – веско сказал пацаненок.

– Ради Бога, – кивнул Денис, и тут в ворохе трофеев ему кое-что не понравилось. Он выудил половинку листовки. – Это что такое? Я предупреждал, что засчитывается не меньше двух третей! – Денис внимательней шелестнул лохматую стопку. И поймал вторую половину, где кандидат Свичкарь был от усов до галстука. – Слушай, ты, так дело вообще не пойдет! Придется проверять и пересчитывать трофеи заново.

Второй раз за беседу пацаненок прекратил дыбиться. Убитый в надеждах, он отвалил из офиса, а Денис был вынужден притворить брошенную нараспашку входную дверь, прежде чем смог вернуться в свой кабинет.

Он застал Веронику, сидящую на стуле, с сумкой на коленях и подозрительно принявшуюся к содержимому:

– Рыба ищет, где глубже... – глубокомысленно изрекла она.

Севшие подальше от источника аромата Алиса и Юлия Борисовна и ухом не повели.

– Тридцать, – с порога сказал Денис, будто от сердца отрывает.

– Тридцать было весной прошлого года, – сразу же отставила сумку Вероника. – Семьдесят.

Алиса в это время что-то быстро писала на клочках бумаги и так же быстро зачеркивала. Юлия Борисовна степенно вырезала по контуру различные фасоны из мужских журналов мод и накладывала их на в полный рост сфотканного кандидата.

– Мне нужно три тысячи подписей, – остался непреклонным Денис. – Тридцать.

– Шестьдесят, меньше не могу. – Вероника соответствующей гримасой показала, что говорит это только из большого уважения.

– Ну ладно, тридцать пять. Иначе придется обратиться к Бубису. – Денис молча принял поданный Алисой завизжавший телефон и выпал из торга. – Да? Записываю. – Алиса пододвинула Денису авторучку и клочок бумаги. – Не служил в армии потому, что писался в кровать? Это Свичкарь или Никитенко? – Денис черкнул загогулилку.

– Бубис берет по шестьдесят пять, а я согласна на пятьдесят восемь.

– Мне клиент выделил только по сорок, – открыл страшную тайну Денис.

– А у меня Авдеев и Никитенко по пятьдесят пять с руками обещали оторвать.

– Им по три пятьдесят штук надо, а моему – три тысячи подписей. Сорок три. Шесть рублевых штук я отстригу из другой графы. А твой Авдеев, оказывается, пять раз в вытрезвитель попадал. Мне на него компромат подогнали. – Денис кивнул на телефонную трубку.

– Ладно, по пятьдесят два, себе в убыток. Но вы – мой постоянный клиент... – Вероника спешила доторговаться, пока шука окончательно не протухла.

Денис вздохнул в миллионный раз за день:

– Последнее предложение. По пятьдесят. – И опять в трубку: – Что? Есть фото Свичкаря в «Шестьдесят девять»⁴? И сколько хочешь?.. Дороговато, но я спрошу.

– Заметано, – радостно подхватила с места Вероника и подхватила душистую сумку. – По пятьдесят. Мне потребуется неделя.

– Только! – воздел указательный палец к потолку директор и прижал трубку к груди, чтоб отсюда туда звук не проникал. – Мне нужны честно собранные подписи, а не из паспортного стола переписанные фамилии. Клиент особый, и вынужден предупредить, что на вскидку подписей сто я проверю.

Вероника снова села и поставила сумку к ножке стола:

– Тогда дешевле шестидесяти никак нельзя. Кстати, какого черта он заказал так много подписей? Чтобы участвовать в муниципальных выборах, хватит двадцати закорючек. Ну еще столько же на страховку против подделок. А он заказывает, будто на Законодательное Собрание замахнулся.

– Ладно, Вероника, мы не первый год знакомы. Если ты скажешь, что не согласна по пятьдесят пять, я при тебе звоню Бубису. – И в трубку, прежде чем опустить ее на рычаги бросил: – Ну бывай, если еще что накопаешь, немедленно звони.

– А кто говорит, что я не согласна по пятьдесят пять? – уже с сумкой в руках от двери парировала Вероника. – Готовьте сто шестьдесят пять штук рублями, или пять с половиной зелеными, и за неделю три тысячи жителей района подпишутся за вашего кандидата. – Вероника исчезла, и в доказательство того, что она не задержалась в офисе, звякнул колокольчик на наружной двери.

⁴ Ночной клуб для гостей с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

– Ну, девочки, как у нас процесс?

– Пока будто у китайских сепаратистов, – поморщилась Алиса. – «Если вас беспокоит судьба городских больниц и детских площадок – голосуйте за меня! Если вы хотите своевременно получать пенсию – выбирайте меня!..» И дальше еще шесть пунктов такой же бодяги.

– Стоп, стоп, стоп, девочки! Это даже не тоска, это гораздо хуже. А что у нас из позитива на него есть?

– На своем нефтекомбинате назначил директором председателя совета трудового коллектива, – зазвенел не поблекший с возрастом голос Юлии Борисовны. Юлия Борисовна, не отрываясь, продолжала кроить журналы мод. – Он явный социалист. На это и надо давить.

– Юлечка, Юлия Борисовна. – Денис размазал платком пот по физиономии. – Мне не надо, чтоб кандидат имел полные штаны удовольствия. Мне надо, чтоб его избрали.

– Ему в зачет можно записать подъем промышленности. Это сейчас модно. Хоть «Поддержим отечественного производителя» слоганом избирательной кампании ставь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.